

Настасья Мокич

@nastasyaveter

*Малом,
страна чудес!*

как самостоятельно проехать Израиль и
научиться доверять миру

Настасья Мокич

Шалом, страна чудес!

Как самостоятельно проехать
Израиль и научиться доверять миру

Издательские решения

По лицензии Ridero

2024

УДК 9
ББК 26.89
М74

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Мокич Настасья

М74 Шалом, страна чудес! : Как самостоятельно проехать Израиль и научиться доверять миру / Настасья Мокич. — [б. м.] : Издательские решения, 2024. — 160 с.
ISBN 978-5-4496-1104-8

История о путешествии автора по семи городам Израиля, которое помогло найти в себе баланс между контролем и доверием к миру. Книга расскажет об Израиле, как о светской стране, в которой много удивительного. Экстремальные приключения, люди с яркими судьбами, еда с яркими вкусами и секрет умения израильтян получать удовольствие от жизни. Каждый город — как отдельная планета, на которой ждут чудеса, с которыми читатели встретятся, открыв книгу.

**УДК 9
ББК 26.89**

16+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

Оглавление

Глава 1. Шалом, Страна чудес!	5
Глава 2. Эйлат: мороженое, еда и дельфины	11
Глава 3. Чудо №1. Когда страх смотрит в глаза	23
Глава 4. Чудо №2. В разноцветных песках	35
Глава 5. Чудо №3. Мой иерусалимский синдром	40
Глава 6. Чудо №4. Мёртвое море для здоровья живых	68
Глава 7. Чудо №5. Пещера Матери Бога на святой горе Кармель	71
Глава 8. Чудо №6. Дух города Акко	85
Глава 8. Чудо №6. Библейские истории в Назарете	104
Глава 9. Чудо №7. Тель-Авив: мегаполис в пустыне у моря	117
Глава 10. Чудо №9. Красивое как Яффо	149
Глава 11. Новый дом	157

Глава 1. Шалом, Страна чудес!

— Какую дату хотите выбрать? — спросила нас майским утром кудрявая женщина в ЗАГСе.

— Любую через месяц, — ответили мы почти одновременно.

— Выходные заняты.

— Тогда давайте в понедельник, после выходных, как раз людей будет мало и не застрянем в очереди, — сказал кто-то из нас.

— 13 июня? — невозмутимая дама посмотрела с недоверием.

— Можно 13...

— 13 июня? Да ещё и понедельник? Вы уверены? — осторожно переспросила дама, переживая за будущее молодой семьи, наверняка вспоминая суеверия о числе 13 и начатых в понедельник делах.

— Да, вполне. — В чем в чем, а во мнении, что суеверия — это полная чушь, мы с будущим мужем единомышленны. Мы уверены, что сами творим свою жизнь, и то, во что мы верим, становится нашей реальностью. Веришь в суеверия — работают, не веришь — не работают.

— Хорошо. Ждём вас 13 июня.

— Отлично! При себе что иметь?

— Паспорта, кольца, настроение.

— Свидетели нужны?

— Уже не обязательно, но по традиции берут.

— Значит не обязательно? Это здорово.

— Фамилию менять будете?

— Конечно, будет! — уверенно и быстро сказал мой бу-

душий муж Андрей.

В голове пробежал чертёнок сомнения. Поменять фамилию — не значит ли это изменить себе? Меня вроде бы как уже и нет, есть вот его жена. А что, если меня перестанут воспринимать как полноценную самостоятельную личность и я буду просто женой? И это же столько документов поменять! И как же моя профессиональная репутация под девичьей фамилией?

Те, кто давно меня знают, привыкли, что я люблю все контролировать. Мне в отношениях с контролем комфортно. Конечно, не всегда комфортно окружающим, в том числе и Андрею, но ведь у каждого свои недостатки.

В конце концов, это ведь неплохо, что я держу в фокусе внимания все риски.

Мы вышли из ЗАГСа и пошли по своим делам вниз по алматинской улице Кунаева, вдыхая запахи цветущих яблони и вишни, а кое-где, в особо темных уголках алматинских дворов, ещё сохранила свои загадочно-фиолетовые цветы сирень. Дышать сиренью в мае — особенное удовольствие.

Ароматы наполнили воздух, а ближе к парку 28 панфиловцев нотки цветов стал вытеснять запах шоколада, который варили на фабрике неподалёку. Из состояния наслаждения ароматами меня вырвал вопрос, которого я всегда в глубине души боялась.

— Нужно, наверное, хотя бы друзей, родственников позвать... Хотя бы на вечер, — начал Андрей, и у меня по спине пробежал холодок.

Идея свадьбы как торжества всегда казалось мне комичной, вечер — цирком, а белое платье — фарсом. Не хо-

чу, не хочу до такой степени, что готова просто тихо-мирно жить вдвоём без всяких ЗАГСов всю жизнь.

— Мы же договаривались, что нам не нужен этот цирк.

— Ну я же не говорю о торжестве. Просто узкой компанией вечером посидеть.

— Не хочу. — Я представила дурацкие тосты с дурацкими напутствиями. Не хочу.

— То есть в такой день ты хочешь вернуться домой вечером и просто есть... картошку?!

— Можно подумать, мы с тобой каждый вечер едим картошку... Можем отметить вдвоём.

— Мы часто отмечаем вдвоём всякие мелочи. Но это же крупное событие, нужно сделать хоть что-то особенное!

— Давай! Давай куда-нибудь поедем! — просияла я.

— Я так и знал, что ты так скажешь. Мы постоянно куда-то ездим, это уже не особенно.

— Тогда давай в особенную страну с особенными людьми. Ты же давно хотел в Израиль?

Андрей действительно давно хотел в Израиль, его манили обещания умопомрачительно вкусной еды, он ресторатор и повар, который любит и готовить, и есть. А я просто очень люблю вкусно поесть. Конечно, меня завораживала и возможность прикоснуться к магической Святой Земле, хотя ничего определённого я не ждала. Моя страсть к новым открытиям и новым странам не даёт покоя и я с энтузиазмом принимаю любую затею, которая связана с дорогой, без конкретных ожиданий. Будь что будет, и это будет лучшее, что может быть!

Однако Израиль — это же сложно и дорого? Или нет? Идея нам понравилась, и мы оба уже знали, что поедем, хотя для приличия высказали друг другу свои сомнения.

Во-первых, наш замысел сделать это путешествие осо-

бенным приключением предполагал длительный срок — месяц, а месяц в Израиле стоит как три-четыре месяца на Бали.

Во-вторых, ходят легенды о суровых пограничниках и о строгости с выдачей виз, то есть нам ее могут и не дать? Тем более что на момент подачи документов на визу я буду ещё молодая, холостая и, в сущности, безработная девушка. Кого волнует, что я банчу пиаром и статьями на всё СНГ в свободном режиме фрилансера?

В-третьих, чтобы уехать на месяц, надо раскидаться со своими проектами, с которыми, как всегда, аврал и у меня, и у будущего мужа.

Посомневавшись немного, мы решили, что очень этого хотим, а раз хотим, всё будет.

И стали планировать своё особенное путешествие в особенную страну.

После подачи документов на визы осталось много вопросов: останутся ли билеты на нужную нам дату, хватит ли наших небольших сбережений, чтобы в полной мере насладиться отдыхом в одной из самых дорогих стран мира, как будут чувствовать себя текущие проекты без нас целый месяц.

Но все обстоятельства складывались удачно. Как будто Святая Земля уже с нетерпением ждала нас в гости и как хорошая хозяйка заранее позаботилась о деталях.

У меня до 13 июня появилось в два раза больше клиентов, которые тоже планировали долгий отпуск в начале лета.

У Андрея строительство нового ресторана затягивалось как раз на тот месяц, на который мы планировали улететь.

Нам обоим за это время пришёл значительный объём коротких проектов, которые нужно было завершить как раз к намеченному сроку, и денег на путешествие прибилося.

Нам посоветовали визовое агентство, которое взяло на себя оформление всех документов, и через две недели нам вернули паспорта с визами.

После этого мы сели искать билеты и взяли их прямо на ночь 13 июня, вернее, утро 14-го.

Тогда я радовалась волне удачи и даже не догадывалась, зачем именно нас ждёт Израиль.

По нашему плану, первым пунктом маршрута был Эйлат, потому как это самая южная точка на карте страны и оттуда удобнее двигаться на север. Кроме того, нам очень хотелось первые дни пять провести на пляже, напиваться впечатлениями, вкусно есть и просто ничего не делать, а уже потом гулять по городам.

13 июня ранним утром нам отдали свидетельство о браке, мне напомнили, что фамилию нужно поменять в течение месяца, я взяла на заметку, что могу и не успеть, «если не успею, значит не надо менять», — подумала я и со спокойной душой об этом забыла.

Мы быстро завершили свои дела, уже ночью перед вылетом закинули в рюкзаки купальники, по паре футболок и шорт, фотоаппарат и документы и полетели в Тель-Авив через Москву. В самолёте я все рассматривала точки нашего маршрута на гугл-карте: Эйлат — Иерусалим — Мёртвое

море — Хайфа — Акко — Назарет — Тель-Авив и Яффо. Рассматривала с интуитивным предчувствием того, что оберётся приключений, что, кажется, я добровольно лечу вниз по кроличьей норе.

Шалом, Страна чудес!

Глава 2. Эйлат: мороженое, еда и дельфины

Прилетели в аэропорт Бен-Гурион в Тель-Авиве и оттуда в соседний терминал на domestic flights. Не такие уж они и строгие, израильские пограничники. Когда готов к любым крайностям, реальные события воспринимаются легко.

В тот день нам повезло: при минимальной стыковке между рейсами мы прошли все посты минут за 30, нам не нужно было ждать багаж, все необходимое, как обычно, в рюкзаках.

И мы едва успели на рейс в Эйлат, минута в минуту. Отмечу, что в следующих путешествиях в Израиль такой степени удачи не было, и я всегда советую друзьям перестраховываться и брать максимальную стыковку.

Но в тот раз я была уверена — мир на нашей стороне, мы успеем. Поэтому не переживала, когда до вылета нашего самолёта в Эйлат оставалось полчаса, а нам ещё надо было выяснить, на каком шаттле добраться в другой терминал, дождаться его и доехать. Потом пройти осмотр у очаровательных девушек в форме, которые очень удивляются отсутствию чемоданов. Мы зашли в самолёт последними и через два часа были в Эйлате.

Аэропорт в Эйлате находится практически в центре города. Никаких серьёзных стен, больших терминалов и длинного пути. Выходишь — и ты в городе.

Вдыхая плотный от жары и влажный от близости моря

воздух, мы вышли из аэропорта и просто пошли пешком по улицам. Остановились выпить натурального лимонада, приготовленного из ароматных лимонов с тонкой кожей и мяты, перекусить швармой.

Я заворожённо наблюдала за спокойными отточенными движениями повара. Он раскрывает питу, смазывает ее хумусом, спрашивает, что нам положить. Перед ним открытые ёмкости со свежими помидорами, огурцами, капустой, грибами, яйцами, баклажанами, хумусом и разноцветными соусами.

— Everything! — мы хотим положить всё.

Он кладёт все ингредиенты по очереди, а потом срезает с вертела ароматное мясо индейки и забивает им кармашек-питу до краёв. Щедро поливает тхиной и отдает нам, жестом показывая на стойку с пластиковыми тарелочками и разными салатами-соленьями, их можно по желанию положить себе сколько угодно, это бесплатное приложение к шварме.

Я бы никогда не подумала, что банальная уличная еда, аналог которой есть в каждой культуре — донер, шаурма, шаверма, а здесь вот — шварма, может быть настолько вкусной. Мне всегда казалось, что такая еда — чтобы насытиться, а для истинного наслаждения созданы блюда полноценные, с необычными названиями, в ресторанах.

Но нет, это очень вкусно, так вкусно, что когда первый раз ешь шварму в Израиле, не хочется отвлекаться ни на разговоры, ни на телефоны, ни на сосредоточенные мысли, хочется медленно жевать, причмокивая от удовольствия.

После перекуса подключаемся к вай-фаю, ищем домик

на гугл-карте, который бронировали ещё на родине, и посмотрим, как быстрее до него добраться. Оказывается, он всего в 15 минутах ходьбы.

Когда дошли, отметили, что, конечно, на фотографиях в букинге все было лучше. Но главное, из-за чего мы выбрали именно этот домик — уютный зелёный двор, стол во дворе, несколько кресел и шезлонгов и полный набор принадлежностей для барбекю — было на месте. На кухне есть вся необходимая посуда, всё, кроме винных бокалов.

Во дворе — мягкий газон с травой тепло-зелёного оттенка, на которой я запланировала делать хотя бы пару асанов йоги по утрам (тщетно), и несколько кошек. Пять пар любопытных зелёных глаз, разглядывающих нас из цветочных кустов. Позже они ещё будут нагло приходить к нам на ужин и требовать свою порцию свежей рыбы на гриле.

Кинув в угол спальни рюкзаки, мы приняли душ, смыв вместе с дорожной пылью остатки рутинных мыслей и забот.

Удивительно, что делают с нашей головой путешествия! Как будто вытряхивают ее, как большую забитую чем попало женскую сумку, на какое-то время оставляют пустой, а потом аккуратно выбирают, что именно положить назад, а что выкинуть навсегда.

Вдали от дома, от родного города удивительный мир расширяется, становится ещё и ещё удивительнее. Те вопросы, которые полностью поглощали и казались большими и важными, вдруг из динозавра превращаются в маленького таракана, становятся такими пустяковыми, что и думать о них не нужно.

Уезжать подальше от дома, чтобы посмотреть на свою жизнь со стороны — хороший способ навести в ней уборку.

Как художнику иногда нужно приблизиться к картине вплотную, чтобы прорисовать мельчайшую деталь, но потом жизненно необходимо отойти как можно дальше. Только так получится увидеть картину целиком и оценить, как играют краски и какой образ получается в итоге.

Очищенные физически и ментально, с пустыми головами пошли гулять по улицам нового города, который уже обняла ночь.

Эйлат маленький, домики в основном двухэтажные светлых оттенков, улицы узкие, по обочинам много цветов. Жители, которых мы встречали, расслабленные. В нетуристический сезон здесь совсем тихо. В Шабат (выходные в Израиле) приезжает много израильтян из других городов, в конце весны и начале осени — много туристов. В основном россияне и европейцы.

Мы прогулялись по ночному Эйлату, а на следующее утро поехали к берегам кораллового рифа, на пляж Coral Beach. Именно там Красное море раскрывается во всей красе и только там плавают разноцветные рыбы в чистой воде прямо у берега.

Береговая линия утыкана школами дайвинга, кайтинга, кафе и барами, как море ракушками. Кафе на пляже снабжены всем необходимым для наслаждения морем: шезлонгами, зонтами, раздевалками и душем.

Мы выбрали кафе, летняя терраса которого прямо в море. Деревянный пол на железных ножках возвышается над бирюзовой гладью. Уселись на высокие барные стулья у стола, расположенного с видом на горизонт, который еле виден: синие цвета моря и неба лишь немного отличаются оттенками.

На завтрак с простым названием «Израильский» нам принесли горячую ароматную шакшуку, питы, хлеб с цельными зёрнами, бабагануш, лабана, хумус, фалафель и кофе.

Конечно, всё дело в настроении, морском воздухе и начале медового месяца, но, кажется, то была самая вкусная шакшука в моей жизни. Я черпала острый томатный соус с жидкими желтками яиц плотной питой, потом намазывала на питу соус из маленьких тарелочек, содержание каждой из которых по-своему удивляло рецепторы, запивала чёрным кофе, и снова пита, шакшука, мазе.

Потом откусывала слегка хрустящий фалафель и снова за питу и шакшуку. А потом снова питу в мазе и хумус.

В Эйлате ела хумус постоянно. Здесь он отличался от хумуса в других городах. Я долго выпытывала у официантов, в чём дело. Он светлее на цвет и сливочнее на вкус, прямо крем из нута. Оказалось, всё просто. В него добавляют в разы больше оливкового масла, чем принято, и немного больше лимона.

Это вкусно. Это красиво. А с видом на Красное море с прозрачной теплой водой — она с нашего ракурса за завтраком смотрится как гигантский аквариум, в который я сейчас пойду плавать — великолепно.

Первые дни в Эйлате мы много ели, впитывали золотые солнечные лучи, от тепла которых клетки тела визжали от восторга, и много плавали с разноцветными разнокалиберными рыбами на побережье кораллового пляжа.

Когда в Эйлате ветрено, бирюзово-синий пейзаж моря и неба залепляют разноцветные птицы, издали похожие на птеродактилей. Это — кайтингисты. Люди с крыльями-

парусами, которые ловят потоки ветра с воды и взлетают на приличные расстояния. Потом или опускаются в воду или падают, кому как повезет.

Море и ветер ведь созданы друг для друга! Особенно прекрасны в гармоничном тандеме, когда маленький по сравнению с мощью стихий человек наслаждается жизнью с доской и парусом в руках!

Кайтингистов тьма на побережье в ветреные дни, по увеличению их концентрации можно определить месторасположение школ кайтинга. Но чтобы стать большой птицей над морем, нужно иметь в запасе дней пять, ещё лучше — неделю, к воде с парусом пускают только натренированных и обученных людей.

Для тех, кто далек от всего экстремального и хочет просто отдохнуть, Эйлат припас подводную обсерваторию. Её видно с берега — большое конусообразное белое здание на фоне синего моря.

Это большой многоэтажный парк на глубине шести метров, который находится прямо под водой, и его гости наблюдают подводный мир в естественной среде.

В морском парке есть ещё несколько больших аквариумов. В самом крупном живут акулы. Каждое утро аквалангист погружается в воду и кормит акул рыбой. В другом аквариуме живут морские черепахи.

Но это всё немного меркнет поле того, как я узнаю, что здесь живут самые загадочные существа на планете — дельфины.

Рядом с коралловым пляжем и коралловым рифом есть «дельфиний риф», Dolphin Ryth. Это закрытый пляж. Морская часть у берега поделена на две части — в одной живут дельфины, в другой — плавают люди.

Дельфиний заповедник — естественный, животных не держат в неволе, они обитают в своей привычной среде, о них заботятся, за ними ухаживают, а посетители могут понаблюдать за тем, как это происходит, и даже плавать и погружаться вместе с ними под воду!

Дельфины с удовольствием общаются с людьми, позировуют, выныривают, иногда позволяют себя погладить.

Я улеглась на деревянных островках в море под солнцем и наблюдала, с каким кайфом эти животные плавают в море. Вот уж кто умеет наслаждаться каждой секундой жизни! Они ведь не строят планов, не задумываются о проектах, не озабочены собственным статусом и чувством собственной важности. Они просто ложатся на воду и плавают, плавают, а я, честное слово, вижу на их мордочках наслаждение этим процессом. Дельфины наслаждаются собой, наслаждаются водой, в которой живут, наслаждаются самым естественным для них процессом — плаваньем. Есть в этом что-то, над чем людям нужно задуматься. Как часто мы наслаждаемся собой и простыми, естественными для нас вещами?

Вдохновленные дельфиньим образом жизни мы пошли в спа-центр рядом с рифом. В нем три бассейна: с пресной, морской водой и водой из Мертвого моря, несколько саун.

Как только зашли в первый бассейн, к нам подплыл «консультант по расслаблению». Он попросил закрыть глаза и лечь на воду на специальных валиках из поролона, которые положил мне под шею, спину и колени. Уши опустились под воду и я услышала музыку! Оказывается, на дне бассейна динамики с расслабляющей мелодией. Потом консультант делал мне легкий массаж, пока я медленно улетала за пределы Вселенной.

А после бассейнов и саун — в кресла на террасе с видом на море и красивый закат. Удобные кресла, тишина, чай, вино. И наполнение себя новым новыми энергиями, сверкающими, сильными, наслаждающимися.

Несколько дней мы наслаждались морем, солнцем, едой и эйлатским мороженым — плотным, сливочным, натуральным, с финиками, инжиром, клубникой, фисташками, кокосом, кофейным и банановым, с тхиной и миндалем.

Кайтингисты в ветреную погоду

Напитавшись Эйлатом во всех отношениях, Андрей решил, что готов к более острым впечатлениям, и рассказал о своем намерении погрузиться в толщу воды Красного моря с аквалангом, в новую вселенную необычных существ со своими порядками.

Дельфиний риф в Эйлате

Завтрак у Моря

Лафа с лабана на улице Эйлата

Фалафель в пите — популярный стритфуд

Глава 3. Чудо №1. Когда страх смотрит в глаза

Я уже однажды струсилась погружаться в толщу воды. Индийский океан, солнце, мы прошли инструктаж, а перед самым погружением я наотрез отказалась нырять. Помню страх, панику, ощущение, что задыхаюсь.

Поэтому, когда муж договорился с инструктором Игорем Львовым о дайвинге, я взяла маску для snorkинга и пожелала им удачи.

Плавая в тот день одна, я наслаждалась свободой и новыми подводными мирами. С восторгом разглядывала разные цвета чешуек рыб и огромные ракушки размером с мои ладони.

Чувствовала, что взлетаю. Это — физическое ощущение, когда плывешь, опустив лицо под воду, и фиксируешь взгляд на дне.

Дно уходит все дальше, покуда заплываешь глубже, но так как на нём всё внимание, физически чувствуешь, что взлетаешь вверх. Я была в восторге от этих полётов в воде!

Через два часа, когда Андрей с Игорем вернулись, я, полная эмоций, стала рассказывать о прожитом. А у них тоже эмоции. Они плавали не там, где я и все туристы. Они уплывали далеко, практически к Египту. Уплывали глубоко. Игорь говорил, что знает нетуристические дайверские тропы, захватывающие и даже опасные, не то, что «вся вот эта попса».

Вдохновлённая своим опытом и яркими рассказами, я поняла, что готова попробовать снова, готова переступить через труп своего страха ради нового яркого опыта, ради сочных впечатлений.

— Мы завтра поедem ещё! — подытожил Андрей.

— Да, у меня для вас ещё одно место есть, его тоже мало кто знает! — сказал Игорь.

— Я с вами! — решила я.

На следующий день я натянула черный водный костюм, как вторую кожу, с трудом прошла пару метров с тяжёлым аквалангом на спине до воды, и она сняла моё напряжение. Пережила первую панику тренировочного погружения, но во время инструктажа, когда мы проходили технику безопасности. В одном из упражнений мне предстояло правильно схватить трубку и снова вставить ее в рот, на тот случай, если она вылетит под водой. Тогда меня снова охватил лютей страх.

До ужаса, до оцепенения страшно остаться без главного дара жизни — возможности дышать. Мозг отказывается думать и последовательно управлять телом.

Инструктор выбивает трубку, а я паникую и всплываю. Мне страшно, мне кажется, что непременно что-то произойдет со мной, с баллоном, и я мучительно умру.

— Ты, что, совсем не доверяешь жизни? — спрашивает Игорь.

Я понимаю, что это — абсурд, но страх, поднявшийся из темной прохладной глубины подсознания, вносит хаос в мои любимые стройные логичные ряды причин и следствий.

Инструктор возвращает под воду и снова выбивает трубку.

— Ты должна знать, как быть в этой ситуации, ты должна быть готова к любой ситуации под водой и воспринять её спокойно. Этого даже не случится. В 90% случаев инструкции не понадобятся. Но они должны быть пройдены!

В 90%? Даже не в 98? Я если я попаду в эти 10?

— Знаете, я передумала, я не буду погружаться, давайте без меня, — сдаюсь я.

— Нет, ты погружаешься, — спокойно, но твёрдо сказал Игорь.

— Это мое право — отказаться!

— Мне всё равно. Ты погружаешься. Сама потом спасибо скажешь.

Меня как будто взяли в плен и нет надежды на побег. Тяжеленный акваланг, с которым даже до берега не дойду, кругом пустыня и угрожающие красноватые скалы. Может, в память о крови задохнувшихся глупых девушек? Они как будто шепчут — лучше разбиться о нас, это быстрее.

— Я дышать не могу, я серьезно, я задохнусь. — Последняя попытка сбежать.

— Так все говорят, честно. С непривычки всем кажется, что задыхаются. Это нормально. Паника, страх, главное — дыши глубоко и медленно. Ты не задохнешься. В баллоне воздуха на два часа. Когда увидишь первых рыбок, обо всём забудешь, поверь мне.

— То есть я не одна такая капризная?

— Конечно, нет! Я вот это нытье каждый день слышу. И это нормально. Меня больше беспокоят такие, как твой муж, те, которые сразу в бой, такие смелые делают больше фатальных ошибок потом — у них же страха нет. А те, кто учатся медленно, более осторожные и осваивают навыки лучше. Просто делай то, что я тебе говорю. Я слышу все эти сомнения ежедневно. И поверь мне, через пять минут после погружения ты забудешь про страх.

Я смотрю на море, смотрю на берег и понимаю, что ес-

ли я сейчас уйду, то буду сильно жалеть. Да, я, конечно, придумаю этому поступку оправдания, расскажу потом, что это опасно, что не очень-то и хотелось, придумаю себе драматичные неизлечимые фобии и непременно напомню, что я зато с парашютом летала над горами Заилийского Алатау. Но когда я обманываю, я ведь буду об этом жалеть! Значит, зажмуриться и сделать, другого выбора у меня нет. По ту сторону меня ждёт что-то, чего я не знаю. И, скорее всего, на 90%, со мной всё будет хорошо. Разве Жизнь не стоит 10% риска? Глубоко дышать, методично глубоко дышать, другие смогли — и я смогу, зажмуриться и перейти черту.

После того как я стала глубоко дышать и изо всех сил держать в узде паникующее сознание, я прошла тест с трубкой и мы стали погружаться.

Шок, паника, дышу, дышу, дышу медленно и глубоко... Господи, когда же это закончится...

Сердце билось быстро, дыхание перехватывало, и в акваланге мне постоянно казалось, что не хватает воздуха. И в тот момент я пожалела о своем решении не сдать. В тот момент я думала — вытащите меня отсюда, мне плевать на все опыты и впечатления мира, я просто буду лежать на берегу и есть мороженое!

Вижу первый косяк разноцветных рыб. Они маленькие, блестящие, как будто серебром покрытые. А вон золотая! А вон большая сказочно-фиолетовая! Пурпурная! Алая! А что это? осьминог? Настоящий осьминог!

Дыхание становится глубже и ровнее — я помню, главное — дышать — спокойно и глубоко.

И я осознаю, что мне уже нестрашно. Какое же это наслаждение, какое удовлетворение — посмотреть в глаза самому сильному страху и осознать, что его больше нет.

Сколько энергии высвобождается после этого, сколько эйфории, восторга!

Я держу восторг в узде, я выплесну его потом, на берегу, сейчас я помню, что нужно оставаться сконцентрированной, чтобы обеспечить себе безопасность правильным поведением.

Ещё минут через 20 я чувствовала себя как русалка в доме родном.

Вокруг деловые осьминоги, разноцветные кораллы, морские звезды и рыбы. Рыбы разных цветов и размеров, ярких кислотных и благородных глубоких цветов. Некоторые — как блески, плывут тучами и действуют в ней как одно целое. Некоторые — одиночки, задумчиво проплывают мимо по своим делам, не обращая ни на кого внимания. А вот сама рыбка Нео охраняет свой дом!

А потом мир пёстрых рыб кончается. И я вижу темно-синюю, почти черную глубину, мы спускаемся ниже, там только вода, солнечные лучи, которые грели воду и освещали подводный мир как в летний день, приглушаются. Становится темнее, синее, холоднее. Кажется, вода теперь стала давить на меня. Неприятно заложены уши, и мне периодически, опускаясь всё ниже, приходится зажимать нос и «выдыхать» через уши, чтобы освободить их.

Мы плывем в неизвестность цвета индиго, как будто вглубь Вселенной. И никого вокруг.

А потом снова понемногу появляются морские жители. Уже другие. Мне кажется, рыбы стали крупнее и более спокойных цветов, но всё еще есть и небольшие пестрые.

Как будто во Вселенной — между галактиками пустое пространство, так и в воде — одна галактика со своими порядками, потом пустота, а вот еще одна галактика

со своими.

Я уже совсем освоилась с ролью космонавта и, кажется, родилась с трубкой во рту.

Андрей видит замок из кораллов и плывет к нему, Игорь с подводной камерой плавает за ним, и тут у меня вылетает трубка изо рта.

Не было ни сомнений, ни паники, я очень быстро подхватила её и вставила назад так, как учили на инструктаже, во время которого я хотела сбежать. Для большинства людей это мелочь, для моих спутников — тем более. Но это было маленькое свидетельство моей большой победы над собой и над своим страхом. Как же я была горда собой!

В какой-то момент ко мне подплыли муж и инструктор. Игорь взял у меня запасной шланг и отдал Андрею. Оказывается, у него закончился воздух.

И мы, символично связанные одним запасом кислорода, стали всплывать, снова зажимая нос, чтобы снять напряжение и заложенность в ушах от быстрой смены давления.

Я вышла из воды новой, вновь рожденной. Той, которая посмотрела в глаза ещё одному страху, и он рассеялся под спокойным пристальным взглядом. Той, которая испытала космические ощущения на Земле. Той, которая поняла — я могу, я всё могу, если захочу. Той, которая в очередной раз осознала, как прекрасна и разнообразна наша планета и как много на ней удивительных миров, о которых мы порой не догадываемся.

Я твёрдо решила вернуться в Эйлат, чтобы пройти полный курс и получить сертификат дайвера. Я разузнала, что некоторые школы даже предоставляют комфортное жильё на 10—14 дней, если учиться у них.

После мы пригласили Игоря на ужин, который готовил Андрей на гриле во дворе снятого нами домика.

В Эйлате звезды большие, повисли низко, пахнет морем и дымом от нашего костра.

Баклажаны, тхина, хумус и свежая рыба только с огня. Лосось здесь особенно розовый и особенно вкусный, с немного сладковатым оттенком.

Израильское вино непременно в винных бокалах. Я пью вино только из правильных бокалов, поэтому за час до ужина обошла весь Эйлат в поисках «бокалов поштучно». И таки нашла! Солнце садится, яркие цветы, увившие заборы и стены домов из белого кирпича, пахнут так сильно, как будто рядом разлили флакон «Диор» и «Нина Ричи». И я возвращаюсь с победой — три бокала при мне.

За ужином Игорь показал и переписал нам фотографии и видео нашего подводного приключения и рассказал свою историю.

— И вот я остановился однажды и меня осенило, — сказал он после того, как уже поведал о половине своей жизни, — Что я люблю больше всего? Воду, дайвинг. Зачем же тогда тратить время на что-то ещё? И вот я здесь уже много лет наслаждаюсь своей школой дайвинга и такими гостями города, как вы.

Я допивала вино после плотного ужина. Свежая рыба и свежие овощи на огне, немного лимонного сока, хумус, тхина, купленные на этот раз в магазине. Рыбе не надо ничего, кроме того, чтобы быть свежей. Немного огня и лимонного сока. И вкус неповторимо нежный, сладковатый. То ли воздух, то ли впечатления, то ли руки любимого повара делают блюдо особенно вкусным.

Глаза слипались, день был очень насыщенный событиями, я же пережила маленькую смерть и снова родилась. Теперь я — новая Настасья. Я вдыхала цветочно-морской запах Эйлата и со всех сторон рассматривала мысль о том, на что мы тратим жизнь.

Доверяем ли мы ей? Имеем ли смелость посмотреть в глаза страху и сделать то, чего очень хочется, но колется? Или выбираем привычный, понятный комфорт с иллюзией безопасности? Имеем ли смелость посвятить себя тому, что мы действительно любим? Или ищем оправдания, чтобы делать то, что не значительно, а значит и не страшно столкнуться с неудачами? Сбегаем в фальшивые миры от настоящих себя? Может быть, потому, что страшно вдруг потерять контроль? А контролировать ведь можешь только то, что знаешь. Когда эта территория заканчивается, приходится слушать голос сердца и доверять ему.

Вино, эмоции, мысли. Я так и заснула во дворе домика на небольшом диване, под армией крупных сияющих звезд.

Подводные съемки в Красном море

Погружение

Кораллы и те самые разноцветные рыбки

И еще кадр

Глава 4. Чудо №2. В разноцветных песках

Эйлат открывает путь в пустыню. Её плотное дыхание манит скупыми пейзажами и богатыми легендами о магических чудесах. Жара и обещание ещё большой жары в «открытой пустыне» подвигло нас перед выездом в парк Тимна найти холодный завтрак с собой. Мы взяли смузи из натуральных фруктов и овощей в большом стакане со льдом. Я выбираю финики, инжир, замороженный йогурт и клубнику. Мы покупаем ещё больше воды, карту и вместе с жителями соседнего домика, с которыми недавно познакомились, едем на машине, взятой в аренду, в заповедник в пустыне Арава — долину Тимна.

Когда добрались, свои сухие горячие объятья раскрыл песчаный каньон. Его называют «красным», но, если присмотреться, скалы не просто «красные». Бордо, вино, роза, золото, серебро, изумруд, бирюза, мрамор, угольный... — каких только цветов пески ни встретятся! «Разноцветность песков — как книга для чтения истории пустыни», — говорит мне брошюра-путеводитель, выданная каждому при въезде.

Из нее я узнаю, что крутые склоны создают магматические породы, они темные, зубчатые. Многослойный и разноцветный песчаник, с розовым, белым и бордовым кварцем, встречается в основании скал. Морские осадочные породы светлых оттенков расписывают скалы горизонтальными слоями. А контраст темных и светлых полос в палитру долины добавили речные осадочные породы.

Самое красивое и величественное в каньоне — произведения искусства руки самой природы, скалы миллионов оттенков, из которых ветром и временем высечены фигуры, которые переживут еще не одно тысячелетие поколений воюющих людей.

На вершине скалы с кирпично-терракотовым пейзажем очень тихо. Так тихо, что слышен даже взмах крыльев одинокой летящей птицы. Слышны порывы и свист Ветра. И хохот жары, и глухой хрип тишины.

Тишина каньона обманчива. У въезда в парк расскажут, что долина Тимна богата жизнью. В пустыне растут деревья акации, которым тысячи лет, а по ночам просыпаются животные, хищники и их жертвы.

Люди были здесь еще в эпоху неолита, а шесть тысяч лет назад уже добывали медь. Прорубали длинные узкие тоннели под землей в поисках руды и обрабатывали ее. Конечно, я залезла в эти тоннели! Там утолилась моя детская жажда оказаться в подземных проходах и пещерах. По ним можно ползать, если позволят габариты, видимо, добытчики времен царя Соломона были худенькими и поджарыми. Кстати, именно об этих шахтах идет речь в знаменитом приключенческом романе «Копи царя Соломона».

Неподалеку от медных рудников красуются наскальные рисунки — петроглифы — времен периода египетского правления.

Мне они напоминают, что в каждом из нас заложен Создатель: нас с самых пелёнок человечества тянет что-то нарисовать, изобразить, придумать, слепить.

Я любовалась пустынным пейзажем с одной из скал

Долина Тимна

в долине Тимна. Упрямый и дерзкий ветер натащил тяжелые черные тучи и растянул их по небу. Он так заботливо укрыл меня от беспощадного испепеляющего солнца пустыни. Под черными тучами скалы ещё краснее. Я села на вершине скалы и поняла, что в какой-то момент оказалась одна. Мне показалось, что я совсем одна, где-то на другой планете. На Марсе! Да, пейзаж Марса, наверное, он именно такой.

Как же много всего кажется не таким, как есть! Как

Долина Тимна

много мы видим и воспринимаем не таким, как есть. Скалы видятся красными, а на самом деле они разноцветные. Тучи кажутся угрозой, но они защищают от адского пламени солнца пустыни. Пустыня видится безжизненной и одинокой, но в ней столько жителей, которые выйдут ночью на охоту. А мне кажется, что я не иначе как на Марсе. Но я здесь, на Земле, на своей родной планете, в которой столько разных неизведанных миров! Нам их еще открывать и открывать не одну жизнь, как и самих себя.

Долина Тимна

Глава 5. Чудо №3. Мой иерусалимский синдром

— А ты знаешь, в Иерусалиме многие сходят с ума, — заговорил со мной муж после долгого молчания в автобусе, пока мы оба смотрим в окно на бегущие мимо пейзажи в пастельных тонах, со вкусом подобранных природой друг к другу. Пепельно-кремовый, пепельно-оливковый, пепельно-хаки, пепельно-коричневый, пепельно-горчичный. У природы отменный вкус.

— Почему?

— Не знаю. Мистика. Я много об этом читал. Даже название такое есть — иерусалимский синдром. Люди со слабой психикой начинают считать себя Марией, Магдаленой, Понтием Пилатом, а чаще — Иисусом. Смотри, не сойди с ума.

— Ты считаешь мою психику слабой?

— Ну ты же впечатлительная...

И здесь, если бы это был фильм, был бы уместен флэшбэк, как я бегала по кварталам Старого Города, ложилась на его ступени животом, ложилась на спину звездой, раскинув руки и ноги, в переулках и рассказывала о том, что, кажется, вижу ангелов среди огоньков ночного Ерусалаима.

В Иерусалим мы приехали за 20 долларов на автобусе. Общественный транспорт в Израиле хорошо налажен, машины комфортные, чистые, с кондиционерами и вай-фаем. После раннего подъёма и пяти часов в дороге я чувствовала, что все, чего я хочу в первый день в Иеруса-

лиме — лежать.

Но когда я вышла из автобуса на улицы из гладкого камня песочного цвета, энергия главного города мира потекла от ступней по всем возможным энергетическим каналам и наполнила меня всю.

Под звуки и запахи города, напитанная его живой энергией я стала бодрее. Как будто зарядили батарейки. Больше не было «варёности» и усталости. Хотелось скорее идти навстречу приключениям. Я предложила мужу дойти до отеля пешком, «а что, ты же сам говорил, здесь минут 30?».

Иерусалим очаровал с первого взгляда. Он пахнет специями и хлебом. Люди громко и эмоционально разговаривают. Людей много. Улицы бурлят.

Традиционные иудеи, в странных черных одеяниях, с пейсами и высокими шапками, некоторые даже с мехом, в такую жару выглядели как герои фантастического романа.

Светские евреи, в шортах и майках, чья простота и незацикленность на внешности и моде мне импонируют. Красивые мужчины и девушки абсолютно разной внешности, от канонической до нестандартной, при этом все равно привлекательной. Ведь привлекательность не во внешней красоте, уж это-то нам давно известно. Хотя мы об этом и постоянно забываем. И солдаты. И девушки-солдаты.

В Иерусалиме солдаты встречаются каждые десять минут по трое-четверо человек. Красивые молодые люди в форме, вооружённые большими автоматами. Они охраняют мир в городе Мира, в котором случаются постоянные конфликты на религиозной и национальной почве. Часто

Израильская армия в Иерусалиме

встретишь солдат на вокзалах. Совсем еще дети 18—20 лет, в одеждах цвета хаки или светлого песка, в формах по фигуре, которая особенно идёт девушкам, иронично подчёркивая их женственность и хрупкость, делая ещё сексуальнее. На вокзалах при них большие рюкзаки, некоторые, кажется, больше, чем сам солдат. Они едут домой.

Был один случай, который мне ярко запомнился. На вокзале Иерусалима в зале ожидания стояло пианино. Один из солдат подошёл к нему, открыл и начал играть.

Видимо, мелодия была знакома и дорога еврейскому народу, понемногу сначала его сослуживцы, а потом и просто те, кто был в зале, начали подпевать что-то на иврите. И делали это как ни в чем не бывало, скорее себе под нос, чем напоказ. Я было подумала, что это флешмоб, но нет, шоу из этого никто не делал.

Вспоминая о них, я чувствовала себя в безопасности в любое время суток в любом месте Израиля.

Заблудиться в Иерусалиме сложно. Все надписи на трёх языках: иврите, арабском и английском. Население, включая пожилых людей, очень хорошо говорит на английском и всегда готово помочь, чуть ли не за руку отвести, куда тебе нужно, и убедиться, что тебе там действительно хорошо!

Мы приехали в пятницу утром. В Пятницу после захода солнца начинается Шабат.

В Шабат нельзя работать, готовить, завязывать шнурки, нажимать на кнопки лифта... Вообще создавать ничего нельзя. Верующие евреи готовятся к встрече священной субботы в первой половине дня в пятницу, поэтому улицы и рынки Иерусалима встретили нас бурлящей шумной жизнью.

Хозяйки покупают еду, всей семьей готовят вкусности на сутки вперед, чтобы в Шабат, как предписано, не делать ничего, а только созерцать и молиться.

Все официальные службы в Израиле в Шабат не работают, ни официальные такси, ни общественный транспорт, ни даже израильские авиалинии, ни кафе, ни рестораны — ничего.

Мы ехали в Иерусалим, зная об этом, и думали, что как-нибудь выкрутимся.

Когда мы все-таки дошли до квартиры, ее арендодатель объяснил нам, как открыть и закрыть дверь и где оставить ключ, когда мы съедем.

«Апартаменты» — распространенный вид съемного жилья для туристов в Израиле, наряду с хостелами и гестхаузами. Часто приличные отели стоят выше 200 долларов в сутки, и предприимчивые израильтяне делают номера из собственных квартир, размещая их на букинге.

Дойдя до квартиры, мы решили передохнуть и принять душ. Завернувшись в мягкое махровое полотенце, пахнущее цветочным кондиционером, смыв с себя дорожную пыль, я прижала к ладоням горячую чашку с ромашковым чаем, заваренный Андреем из найденных на кухне пакетиков.

На кухнях израильских квартир, арендуемых путешественниками на короткий срок, можно вообще многое найти. Чай, кофе, сахар, какие-то специи и приправы. Мы с благодарностью заваривали чей-то чай, а потом оставляли следующим постояльцам бутылочку оливкового масла и пакетик кардамона. В этом есть особенное удовольствие — понимать, что мы, странники, познающие мир, в глаза друг друга не видели, но нас всех объединяет теперь что-то ещё.

Я прижала к ладоням горячую чашку с ромашковым чаем и посмотрела на город из окна 18-го этажа.

Я влюблялась в город с первого взгляда. Впервые, за историю всех моих путешествий, я чувствую себя дома. Вот уж не думала, что дом моей души — Ершалаим. Ерша-

Иерусалим в Шабат

лаим, Иерусалаим — мне хочется называть его именно так, на древний манер, мне кажется, эти звуки больше всего подходят магическому городу. Ершалаим. Звучит как древнее и очень сильное заклинание.

После того как мы снова вышли в город, его было не узнать. Ну улице ещё светло, но уже никого нет. Ставни закрыты, и столики шумных кафе спрятаны, прилавки торговцев исчезли. Пустые рельсы, по которым еще пару часов назад ходили поезда... Мы в сценарии фильма про

Иерусалим в Шабат

лангольеров?

Голодные, мы пошли пешком по тихому безлюдному Иерусалиму. Все дороги ведут в Старый Город. Он обнесен стенами, там находятся ключевые культурные, духовные ценности и достопримечательности. Конечно, там много туристов, а где много туристов, накормят всегда.

Старый Город разделен на четыре квартала, там издавна живут, кроме евреев, и другие народы — арабы (мусульманский квартал), армяне (армянский квартал), хри-

После обеда в пятницу нас встретили пустые улицы Иерусалима

стиане (христианский, соответственно). Арабы, армяне и христиане не соблюдают Шабат и продолжают работать.

Мы перекусили горячими ароматными кебабами в мусульманском квартале и пошли к известной на весь мир загадочной Стене Плача, которая обещает исполнить желания всякого, вложившего в неё записку, при условии, если намерения хорошие.

Стена разделена на две половины — мужскую и женскую, подойти к ней может каждый в любой день. Многие между кирпичей кладут записки с просьбами, считается, что отсюда они быстрее всего попадут в небесную канцелярию. Записок здесь, конечно, сотни тысяч.

Так как мы попали в Иерусалим в Шабат, нам повезло увидеть яркое зрелище — встречу Субботы.

Ближе к шести часам людей становится больше, горожане и туристы собираются на площади перед Стеной. Молодые люди в военной форме, светские евреи, ортодоксы целыми семьями.

Ортодоксы идут к Стене Плача, молятся, раскачиваясь из стороны в сторону. К ним присоединяются, надевая кипу, большинство евреев-мужчин. На женской половине всё проще — должны быть закрыты плечи и у женщин из ортодоксальных семей — волосы.

После молитв начинаются песни и танцы. Евреи пьют вино, едят, улыбаются, смеются и кричат «Шабат Шалом!». Праздник жизни!

Ортодоксы посвящают субботу молитвам. Светские евреи — общению, веселью, отдыху. А я смотрю и делаю вывод, что важно раз в неделю ничего не делать, просто отдыхать. Время «сладкого ничегонеделания». Абсолютно ленивый день, с чистой совестью.

После вечернего представления все расходятся по домам. А мы идем гулять по пустому ночному Иерусалиму. Ночью город пахнет розмарином. Розмарин растет как сорняк на улицах и ночной ветер отщепляет от него кусочки аромата и разбрасывает по всему городу.

Мы решили, что ещё вернемся к Стене Плача, когда

здесь будет спокойнее, нам же ещё нужно написать «список задач» на небо. А небесную канцелярию не хотелось отвлекать в Шабат. Ведь даже Богу нужно отдыхать.

Суббота — день пустых улиц. Лучшее время для фотографий. Мы делаем их по дороге в Старый Город, ведь только там сегодня можно позавтракать.

Завтракаем в уже знакомом нам мусульманском квартале. На ступеньках узкого переуллка Старого Города, между высокими стенами. Я сижу на гладком камне, его отшлифовали сотни тысяч ног, что прошли здесь за пять тысяч лет и пропитали эти камни своими мыслями и эмоциями.

А теперь тут сижу я и ем свой лахух. Это блюдо из теста, похожее на оладьи, его подают с разными начинками. Мой лахух свернут в трубочку с сыром внутри и полит сиропом. Только заканчиваю одну сырную сладость, беру за следующую — кнафе. Десерт из нежнейшего козьего сыра, завернутого в тонкие нити восточного теста кадаиф, пропитанный мёдом. Я запиваю все это кофе, сваренным на турецкий лад, в турке, с кардамоном. И стараюсь в полной мере прочувствовать тот момент, в котором нахожусь, насладиться им каждой клеткой тела.

Андрей скромнее в отношениях со сладким. Он медленно, как он любит говорить, размеренно пьет свой гранатовый сок. Зато он любит готовить восточные сладости. Он — готовит, я — ем, идеальный тандем. Поэтому, пока я выбирала, чем ещё насладиться в стенах Иерусалима, Андрей выпрашивал, из чего это всё готовят и как.

— А сейчас мы пройдем так, как проходил Иисус, когда нёс свой крест к месту распятия! — не успев доест, я слышу русскую речь. Гиды работают даже в Шабат.

Мы немного прошли за организованной экскурсией и послушали о пути Иисуса, потом зашли в Храм Гроба Господня — одно из главных святых мест для христиан.

Я ходила по Храму от иконе к иконе и просила обо всяких глупостях. Потом вспомнила, что и родные, и подруги просили привезти церковные свечи отсюда. Я нашла, где их купить, и уже собралась выходить, когда со мной на русском заговорил священник.

— Если вы хотите нести благодатный огонь, свечи нужно опалить.

— Это как?

— Вот здесь, — он показал мне на место, где горели десятки свечей, — подпалите свои свечи и потом тушите.

— А что-то ещё нужно делать?

— Неплохо было бы просто помолиться, пока вы здесь, — он улыбнулся.

— А где-то есть тексты молитв? Я особо не умею.

— Текст-то в сущности не важен. Подходите к любой иконе и просто поговорите с Отцом нашим. В свободной форме.

— Спасибо.

— Хотите секрет открою?

— Да!

— Это можно делать всегда и везде, для этого не важны ни вера, ни место, ни свечи. Главное — то, что в вашем сердце.

Я всегда с сомнением относилась к религии и религиозным людям. Мне казалось, что в концепции вечного «должен» есть что-то противоестественное.

Должен ходить в церковь, должен читать текст молитвы, должен не грешить...

Должен, должен, должен. Поэтому идея «свободной формы» подошла мне, как идеальные кеды. Приятное послевкусие осталось после этого короткого разговора в Храме.

«Значит, у Стены Плача буду загадывать желания в свободной форме», — подумала я с предвкушением чудес.

После захода солнца в субботу Иерусалим снова оживает. Сразу, как начинает темнеть, в ресторанах выносят столики на улицу, открываются магазины, снова ходит общественный транспорт. Возле киосков со швармой, фалафелем и мороженым снова очереди. На обочинах Иерусалима появляются уличные музыканты, вокруг них — танцующие прохожие.

Громкий смех, много людей, запахи еды и розмарина. Как будто громкость жизни и не убавляли на сутки.

В воскресенье, в первый рабочий день снова с раннего утра работают шумные рынки, на которые ходят не только за продуктами, но и за новостями, развлечениями и вкусной едой.

Часто интересные гастрономические места — кафе и бары, полюбившиеся «фудис» и даже рестораны находятся на базарах. Как и пекарни, в которых делают бурекасы, булки, питы, халы и сам хлеб разных видов с разными начинками — оливками, овощами, орехами и сухофруктами, чесноком, корицей, кардамоном и кофе.

Сладости в Иерусалиме — прекрасный плод, кипящий в городе страстей. Здесь и темперамент, и утонченность, и творческий подход. Десерты — отдельная глава гастрономического богатства Израиля. На базарах продают арабские и турецкие сладости, халу и роголах — выпеч-

ку, похожую на французские круассаны, но полностью пропитанную шоколадом и с орехами.

А я всё чаще выбираю малаби. Ближневосточный десерт вроде европейского крем-брюле, но с восточной утонченностью — розовой водой, финиками и орешками. Впрочем, некоторые повара отходят от классического рецепта и с чем только ни делают малаби: и с фисташками, и с цитрусовыми, и без розовой воды.

В Иерусалиме есть даже небольшие киоски, в которых есть только малаби, мы их про себя назвали «малабные». В них основа малаби в пластиковом стакане одна, а дополнительные ингредиенты выбираешь сам на свой вкус.

После воскресного завтрака мы идем к Стене Плача, чтобы загадать свои желания в том месте, где они обязательно сбудутся.

Я не знаю, волшебная ли эта сила историй и самоубеждения, или действительно магия места и первого Храма, или все-таки намоленность стен, которые люди несколько тысяч лет напитывали своими мыслями, но особенная энергия у Стены Плача чувствуется даже физически. Насколько она ощутима и осязаема в самом Иерусалиме, так вот у Стены еще плотнее, еще концентрированнее. Не мудрено, что на такой энергии творятся чудеса!

Я сидела на женской половине у Стены и ждала, когда освободится место, чтобы я могла к ней подойти. Оказалось, что здесь много людей не только в Шабат.

А пока ждала, рассказывала тем, кто наверху принимает решения, о чем мечтаю, в свободной форме, своими словами.

И тут почувствовала, как меня кто-то похлопал по плечу. Я вздрогнула и обернулась. Рядом присела женщина. Она доброжелательно улыбалась, ее синие глаза светились озорным любопытством, и были это глаза молодой девочки лет 12—15, хотя женщине на вид было лет... невозможно понять, сколько лет. Может, 50, а может, и все 70. На лице уже есть морщинки, но осанка прямая, тело стройное и она босиком. На ней длинное серое платье, у нее длинные седые волосы, собранные в пучок.

— Hello! — с энтузиазмом сказала она. Судя по небольшому акценту, английский был явно не родной, но откуда она, я так и не поняла. — Рассказываете Богу о своих планах? — я немного удивилась вторжению в мое личное пространство, но так как, опять же на удивление, вторжение не вызвало негативной реакции, наверное, я была открыта приключениям, я ответила.

— Да. Как и все, рассказываю ему о том, чего хочу. Думаю, что чем лучше и точнее я опишу желаемый результат и чем больше энергии вложу в этот образ, тем вероятнее, что он материализуется, — сказала я в полной уверенности, что все в мире зависит от нас, и в том числе сбыва мечт, и все это мы можем и должны проконтролировать.

Она посмотрела на Стену и задумчиво покивала, продолжая улыбаться. Она вся светилась, и я поняла, насколько красива эта женщина, несмотря на седину, морщинки и зрелый возраст.

— А ты знаешь, чем магия отличается от Света?

Я вздрогнула. Разговор явно приобретал нестандартный оттенок. Но вздрогнула я не от необычного выбора темы для светского диалога с незнакомкой, а от того, что за несколько месяцев до поездки у меня был разговор

со знакомым экстрасенсом-космоэнергетом, которая говорила, что магия — это грех, который откладывает тяжелый отпечаток на карму, а я все не могла уложить в своей голове, что есть магия, а что — материализация собственных желаний. Ведь в наше время для читающих new age давно не секрет, что нужно правильно хотеть, чтобы все намеченное сбылось. И я чувствовала в себе эту способность, силу своей воли менять и создавать события в мире. Но я начала побаиваться за свою карму.

— Нет, я не знаю, чем магия отличается от Света.

Она внимательно посмотрела на меня и проговорила чуть медленнее, будто так, чтобы убедиться, что ее слова осели в моей голове.

— Магия отличается от света манией контроля. Магия стремится всё подчинить *своей* воле и поэтому она — грех. Поэтому — тяжелая карма. Желание контроля загоняет в ловушку самого мага. Контроль — лишь иллюзия. Мы не можем *ничего* контролировать. Попытки контролировать — лишняя трата энергии, они лишь опустошают, изматывают без толку. Функция контроля дана нам лишь для того, чтобы контролировать свои мысли. Вот уж что воистину сложно удержать. А куда мысли — туда и энергия. А энергия создаёт события в мире. Иерусалим реализует все мысли с минимальной задержкой. Потому, что в этом городе собрано много энергии. Контролируй свою голову. И не пытайся контролировать мир. Не получится, только рискуешь получить от него подзатыльник.

Магия отличается от Света манией контроля. Желание контроля лишь загоняет в ловушку самого мага. Свет — освобождает. Свет — свободная воля без контроля. Когда ты просишь у мира и отпускаешь, зная, что все случится наилучшим образом, зная, что мы все в надёжных руках.

Доверяя.

Доверие — помощник Света. Доверие необходимо. Доверяешь ты или нет — твой выбор. Все равно произойдёт то, что должно. Только доверием ты освобождаешь себе путь, а без него тащишь тяжёлый груз страхов и сомнений.

Она внимательно посмотрела на меня, будто убедилась в чем-то, кивнула, улыбнулась, встала с земли и ушла в сторону еврейского квартала. Я ошарашенная смотрела ей вслед, она затерялась среди толпы разных людей. И я не могла понять, была ли она или мне привиделось. Может, это тот самый иерусалимский синдром? Спросить не у кого, в Иерусалиме очень много странных людей, возможно, и босых седых женщин с молодыми голубыми глазами... Этим здесь никого не удивишь. Может, она ангел? Я открыла заметки в телефоне и стала слово в слово записывать фразы, которые всё еще эхом звучали в моей голове.

Не помню, сколько я просидела ещё, помню, что в какой-то момент увидела перед собой кусочек стены, свободный от людей. Подошла, прижалась ладонями и подумала, чего же мне пожелать. В том состоянии я не нашла ничего лучше, как сказать «Пусть всё будет так, как задумано, наилучшим для всех образом. Пусть мы будем здоровы и счастливы, в любви и изобилии, пусть у нас будут здоровые дети и родители, и пусть мы будем легко и радостно идти по пути своего предназначения, даря миру то, что подарить в него пришли. Аминь».

Я, как в трансе, развернулась и пошла к площади. В голове звенело «Спасибо!», я была наполнена благодарностью за всё, что со мной случилось, начиная с самого рождения. Когда я немного отошла, встретила Андрея.

Стена Плача с «мужской стороны» в Шабат

- Я ишу тебя уже очень давно. Ты куда делась?
- Я там сидела, возле стены.
- Не видел тебя. Пошли, я есть хочу. Ты что рассеянная?
- Видимо, это мой иерусалимский синдром.

Улицы старого города

У стен старого города

Рогалах

Кнафе в форме трубочек

Бар на рынке Иерусалима

Еще один бар на базаре

Кнафе квадратной формы

Ворота в старый город

Халва

По переулкам старого города

Иерусалимские улицы в будний день

Глава 6. Чудо №4. Мёртвое море для здоровья живых

Напитавшись магическим Иерусалимом, мы сели в автобус с названием «Эйн-Бокек» на табло. Город-курорт на побережье Мёртвого моря. В автобусе я снова открываю браузер в смартфоне и выясняю, что этот город — очередное уникальное явление Израиля. Дело в том, что он на 90% застроен отелями и санаториями, а его жители — сотрудники этих отелей. Ну еще ресторанов и бесконечных косметических салонов. А чего еще ждать от небольшого города на самом здоровом побережье мира?

Легенда рассказывает о том, что именно здесь когда-то гремели древние города Содом и Гоморра. Они находились в одном из лучших мест на Земле — в котловине на 400 метров ниже уровня моря, здесь было всегда тепло, почва плодородная, протекала река Иордан, росло все, что могло расти!

Но жители Содома и Гоморры погрязли в разврате и гордыне, чем раздражали Бога. Они не знали меры и насыщения, устраивали оргии, лгали, предавали. Богу надоело смотреть на всю эту вакханалию, и он уничтожил города. Сначала обрушил на них дождь из огня и серы. А потом разлилась река Иордан и затопила всё. Море, которое появилось на этом месте, было очень солёным, видимо, с «антибактериальной» целью.

Мёртвое море имеет длину 65 километров, ширину — 16 километров и глубину оно около 300 метров. В его водах нет никакой жизни, только высокая концентрация со-

лей (33,7%) и минералов.

Иронично звучит, но теперь Мёртвое море — уникальная здравница. Волшебное место для здоровья и красоты живых!

Здесь удачнее всего переплелись целебные свойства всех четырех стихий: вода содержит 33% минеральных веществ, что в 10 раз выше, чем в Средиземном море. Все эти минералы полезны для красоты и здоровья кожи и внутренних органов. Солнечные лучи лишены всех вредных факторов, так как это — самая низкая точка на планете, ниже уровня моря, и это единственное место на Земле, где можно долго находиться на солнце! Воздух чистый и сухой. Испарения создают благоприятное насыщение воздуха минеральными элементами, в частности, бромом, который оказывает успокаивающее и расслабляющее действие. Здесь легко дышится, содержание кислорода на 15% больше, чем в любом месте на Земле. И даже грязь — лечебная. Грязетерапией лечат раздражения и воспалительные процессы, разглаживают морщины и делают кожу более здоровой и свежей.

Побережье Мёртвого моря усеяно спа-санаториями.

Кроме того, чтобы заниматься здоровьем и красотой, можно увидеть знаменитую крепость Масаду, в которой прятался иудейский царь Ирод, и несколько заповедников.

Мёртвое море оказалось не таким, каким я его ожидала увидеть. Разглядывала картинки, читала статьи и представляла себе райское место — лежишь себе на воде и книжку читаешь. Оказалось, вода слишком горячая и пролежать в ней дольше 15 минут нельзя. Да и читать книги в таком положении совсем не хочется. Зато открыла для себя ощущение невесомости, почувствовала себя кос-

монавтом!

Кожа после этой воды как будто промаслена и блестит на солнце. Даже на бесплатных общественных пляжах полно душевых с чистой пресной водой, чтобы смыть с себя остатки соли и минералов.

В городе много магазинов с косметикой с минералами Мёртвого моря.

Возвращаясь в Иерусалим, чтобы дальше отправиться в Хайфу, я обратила внимание на частое петляние автобуса и остановки в деревнях.

Оказалось, это те самые кибуцы, про которые мне недавно рассказывал муж. В этом районе их больше всего. Кибуцы — небольшие поселения, жители которых занимаются в основном сельским хозяйством. Есть кибуцы, которые выращивают финики, есть те, которые занимаются птицеводством или цветоводством. Фишка в том, что у жителей кибуца все общее, равный труд, равное потребление, равные зарплаты, обязанности, права, социальный статус. То есть это доведенная до ума и идеала идея коммунизма.

Тот случай, когда хорошую идею можно воплотить в жизнь по-разному, и именно от качества реализации будет зависеть результат.

Глава 7. Чудо №5. Пещера Матери Бога на святой горе Кармель

— В Иерусалиме вечно ругаются, арабы, евреи, бла-бла-бла... Кому какая разница, какой ты национальности! — говорит на чистом английском грузинский еврей Ромео, шеф-повар ресторана «Тэмплюот» с самой вкусной, на мой взгляд, кухней в Хайфе. Говорит и смешно показывает ладошками «бла-бла-бла». — Нет, поэтому Иерусалим — не моё. Здесь, в Хайфе, мы живем спокойно, дружим все. А почему не Тель-Авив? Там все очень дорого. Так дорого, что это того не стоит.

Мы приходим к нему уже третий день подряд на обед и ужин, с самого первого дня, как сошли с поезда на железнодорожном вокзале Хайфы.

Хайфа оказалось городом немного провинциальным, я себе город-хайтек, где трудятся лучшие технические умы и разрабатывают нанотехнологии, представляла иначе. На деле он немного напомнил Одессу. Наверное, такая ассоциация сложилась у меня из-за большого количества репатриантов из русскоязычных стран, которые говорят на русском с характерным провинциальным говором — много «шо», «гхы» и забавных сочетаний слов вроде «и как же мне теперь тебя развидеть!».

На полках книжных магазинов — любовные романы и детективы с заголовками на русском языке. Витрины магазинов одежды напоминают барахолку моего детства.

Есть и магазин «Рублевка», и курящие тёточки-продащицы в леопардовых лосинах и «химкой» на голове, болтают между собой на родной мне речи, обильно упитывая ее отборным русским матом.

И в этом городе я нашла три ресторана с действительно вкусной едой. Это ресторан нашего нового друга Ромео рядом с отелем «Герцель» на рынке «Тэмплюот», бурекасные в спальных районах и ресторан, построенный немецкими евреями 60 лет назад, где подают копчёную свинину, борщ и плотное вишневое пиво. Не кошерно, да и кому это надо, главное — вкусно.

Мне было странно, что в таком большом городе мало действительно хороших ресторанов.

— Где же вы едите? — спрашиваю я Ромео.

— Дома в основном, ну или в моем ресторане, он — самый вкусный в Хайфе, — смеется он.

Израильтяне очень трудолюбивые, а жители Хайфы еще более трудолюбивы. Шеф может спокойно принять заказ, если официантка занята или отлучилась, принести заказ, немного поболтать с гостями, в то время пока гости, севшие за другой столик, без вопросов немного подождут.

А вечером, заканчивая работу, он часто наливал себе вина и садился за наш столик, рассказывал про жизнь в Хайфе, спрашивал про Казахстан. Когда он узнал, что мой муж повар, он сказал:

— Подожди, подожди! Повар из Казахстана! Вот где я тебя видел! Израильский ресторан открылся в мусульманской стране! Тебя показывали по телевизору у нас!

С тех пор мы у Ромео были в особом почете.

Он составил для нас список лучших мест в Акко и Назарете, он готовил для нас «свой лучший сэвичи» с цветками цукини и зеленым миндалем, делился рассказами о стиле жизни в Хайфе.

— Мы тут работаем много. Тусить в Шабат иногда ездим в Тель-Авив, иногда — в Эйлат. Но в целом работа, дом, работа, дом. Летом — на пляж, гуляем по району Кармель вечерами... Поэтому и многие хорошие рестораны от вас спрятались, надо знать, когда они открываются. Многие работают только в обед и по вечерам, некоторые только в Шабат, в другое время у нас особо не принято ходить по кафе.

После Иерусалима, где плотность кафе на душу населения одна из самых высоких по миру и они все равно всегда забиты, мне было странно это слышать.

Какой разный маленький Израиль!

Делать по вечерам, кроме как гулять по набережной и есть рыбу-пить пиво, тоже особо нечего. Мы набирали пакеты вкусных бурекасов в местных пекарнях с разными начинками, фруктов и разговаривали о жизни в отеле с окнами-витражами и видом на многоуровневый сверкающий разноцветными огнями город.

Хайфа расположена на склонах библейской горы Кармель, оттого город и многоуровневый. Нижние районы и порт у самого моря, оттуда видно районы «верхние», а сверху весь город раскидывает объятая и зовет к себе вниз.

«Вверх» по крутым улицам города мы доезжали на автобусе, гуляли у пещеры Ильи Пророка, где пахнет травами и цветами, смотрели на море и корабли. А потом шли

вниз, квартал за кварталом исследуя Хайфу.

На второй день прогулок доехали до остановки рядом с верхней террасой Бахайских садов, откуда начинаются по ним экскурсии. Идти снизу вверх по террасам садов можно только бахайским полонникам, а тем, кто не исповедует новую религию — только сверху вниз.

По пути к садам ищу в интернете информацию о том, кто такие бахаи, и узнаю, что вера молодая, она появилась в конце XIX века, с основной идеей объединения религии и науки, всех народов и всего человечества, с идеей самостоятельного поиска истины каждым верующим. Отказ от всех видов предрассудков, как расовых и национальных, так и религиозных и политических. Признание того, что истинная религия всегда находится в гармонии с разумом и научным знанием. Равноправие мужчин и женщин. Отказ от фанатизма, азартных игр, алкоголя и наркотиков, любых веществ, искажающих сознание.

Бахайские сады построили на пожертвования верующих. Никакие другие деньги не принимались, ибо участвовать в творении садов — большая честь. Главная задача садов — заставить людей остановиться, задуматься о красоте, гармонии, равноправии и погрузиться в свой внутренний мир.

И эту задачу для меня они выполнили на «ура». Легкая атмосфера любви и радости. Красота природы, красота жизни. Здесь легко просто созерцать и ни о чем не думать. Довольно странное для меня состояние — не думать. Ведь мысли вечно бегают туда-сюда-туда-сюда, как белка по деревьям.

Сидя в садах, я в какой-то момент обнаружила, что ни о чём не думаю. Это было необычно. Тишина в голове.

Вернуться к вихрю мыслей было непросто, что меня тоже удивило. Сознание как будто оказалось в вакууме, туда не попадали мысли, а даже если я намеренно старалась их закинуть, не приживались, быстро распадались на атомы.

Честно говоря, я не знаю, происходит ли это со всеми в садах или нет. У меня была настолько пустая голова, что не было и мысли ни у кого спросить. Спросила потом у Андрея, о чём он думал, гуляя по садам.

— Ни о чём не думал, просто смотрел.

Может, вот он — ключ для тех, кто хочет остановить «мыслемешалку»?

Два дня мы гуляли по Хайфе. Были в порту, у Ильи Пророка, гуляли по горам, паркам, по городу. В последний день я много думала о загаданных желаниях, о Стене Плача, о местах в мире, где загадывают желания, и о силе и энергии святых мест. Мы уже обошли Хайфу и просто гуляли по городу в поисках ещё одного пакета бурекасов с разными начинками.

И я увидела церковь, в которую почему-то захотелось зайти. Строгие чёткие линии, простой крест. Точно, я читала о ней. Стелла Марис. Она построена на месте пещеры, в которой предположительно, скрывались Дева Мария с мужем и маленьким Иисусом, когда возвращались из Вифлеема в родной Назарет. Я зашла, внутри никого не было, только витражи и фрески на библейские сюжеты.

Там было тихо, но было и ощущение чьего-то присутствия. Сохранилась и сама пещера, я подошла к ней, мне захотелось прикоснуться к холодными сырым камням. У пещеры я увидела стойку с книгой. И снова желания в месте силы! Это была тяжёлая книга с пустыми страни-

цами и ручка рядом. Половина страниц были исписаны, половина — чисты. Туда можно было написать свои просьбы и вопросы Мадонне. Вроде бы у меня было столько желаний, столько всяких «хочу», а вот так встретила Святую, а сказать и нечего. Все желания стали казаться маленькими, незначительными, стыдно тревожить по таким вопросам Деву Марию. И тут у меня родилось главное намерение. И я написала «Мария, научи меня Любить».

Любить Божественно, любить абсолютно, любить без условий и любить без претензий, любить не потому, что есть причины для любви, а потому, что любовь есть во мне. Любить саму себя, любить весь мир, любить мужчину, любить близких, любить будущих людей. Я хочу испытать, понять, ощутить, что такое Любовь в полной мере, без той шелухи, что мы навешали на неё в мире, без тех масок, под которыми скрываются страсть, страх, гордыня. Я доверюсь тебе, а ты научи меня любить!

В предвкушении перспектив от своей просьбы я глубоко вдохнула и вышла из храма. Почувствовала, что теперь в Хайфе мы сделали всё. Теперь можно смело ехать дальше на север. В планах оставались ещё три города — Акко, Назарет и сам Тель-Авив.

Бахаистские сады в Хайфе

Вид на Хайфу из роци

Лимоны у частного дома

Путь к пещере Ильи Пророка

Горы Хайфы

Вид на Хайфу

Вид на Хайфу

Глава 8. Чудо №6. Дух города Акко

Акко — крепость, обнимающая древний город с мечетями, церквями, базарами. Я узнала о ней случайно, увидела фотографии на выставке израильского художника. Древний город в стенах крепости не такой известный и популярный среди туристов, как Иерусалим и Тель-Авив, но он стоит того, чтобы познакомиться лично.

В стенах старого города Акко показал нам баню времён Османской империи (Хамам Аль Баша), Монастырь Госпитальеров, Белый Базар, мечети, церкви, Цитадель Акко, этнографический музей «Сокровища в стене» прямо внутри крепостной стены Акко. Показал и Туннель тамплиеров, построенный в конце XII века для безопасного прохода от крепости Тамплиеров до морского порта. Длина туннеля — 350 метров. Здесь пахнет сыростью, потолки низкие, проходы узкие.

А потом в одно из любимейших и главных мест небольших восточных городов — на базар. Он тянется вдоль главной дороги старого города, Базарной улицы, существовавшей ещё во времена крестоносцев. Там все в кучу — рыба, овощи, фрукты, специи, сладости, косметика, хендмейд-сувениры, посуда. Там я нашла самые оригинальные сувениры из кокосового дерева — браслеты, серьги, шкатулки.

От других рынков страны его отличает изобилие на рыбных рядах. Недорогая свежая рыба, креветки, крабы и раки лежат в ящиках разноцветными горками. Их можно

купить, прийти в любое кафе и попросить приготовить — не откажут. Можно приготовить у себя в отеле или апартаментах (если есть кухня). Конечно, в местных ресторанах отменно готовят рыбу. Свежую рыбу вообще сложно испортить. Нужны масло, немного специй и немного огня. Рыбное дело — одно из самых популярных у местных жителей. Свежий улов рыбаков прямо из моря идёт на базары и в рестораны. Я сама наблюдала этот процесс — вот рыбаки с сетью выходят на берег с небольшой лодки, я вижу их со стены крепости, а вот они же сдают улов в ресторан, мимо которого мы проходим. Значит, это знак, что пора подкрепиться. Кстати, именно этот ресторан и советовал нам Ромео из Хайфы. Жаль, я не запомнила название, оно был нацарапано ручкой на клочке бумаги на иврите. Но могу сказать точно, что это чудное место расположилось за рыбными рядами базара.

В узком проходе, сразу за входной дверью, висят картинки с описанием видов рыбы, которая водится в Средиземном море. Потом мы попадаем в небольшой дворик, где несколько столиков и тьма кошек. Они лениво валяются на солнце и даже не пристают к гостям, которые едят рыбу. Кажется, они объелись.

— Is it here? — спрашиваю я официанта, показывая клочок бумаги от Ромео. Он приглядывается, кивает, предлагает жестом присесть. А потом к нам выходит шеф-повар и интересуется, откуда у нас информация о его ресторанчике.

— Romeo from Haifa says it's a best place in Akko!

— Ah, Romeo! Tampliot?

— Yeas!

Он широко улыбается, теперь он думает, что мы с Ромео друзья, наверное, что уж точно к лучшему для нас.

Меню нам не дают, объясняют, что сейчас есть два вида рыбы, а все салаты, хумусы, мазе, питы идут к ней в довесок. Мы выбираем обе, и вскоре наш стол заставляют уймой маленьких тарелочек и чашечек, с разными мазе, намазками, салатами и овощами, а минут через 20 приносят две огромные рыбины на гриле. Господи, кажется, я больше никогда не смогу есть рыбу нигде, кроме как в приморских портовых городах! До чего же она нежная и вкусная!

В Акко я ела только рыбу. И на гриле, и запечённую, и сырую в виде севиче. Делая перерыв только на десерты, которые в Акко тоже готовят по-своему и очень хорошо. Пахлава из тонких слоёв теста, пропитанных мёдом, с орешками и фисташками, сливочный малаби с финиками и розовой водой, который похож на крем-брюле, только нежнее. Рахат-лукум, сваренный из натурального сока, халва и щербет.

— Кама зэ оле? — я показываю на яркие сладости на прилавках. За наше путешествие я выучила несколько фраз на иврите, которыми активно пользуюсь, пытаюсь сойти за местную. Мне что-то отвечают, но цифр я еще не понимаю, протягиваю крупную купюру и беру сдачу. А если бы знала больше, могла бы поторговаться.

— Тода раба! — это я сказала «спасибо».

— Ммммм... Таим Мэод! — это я похвалила мастерство повара.

Если вы в Израиле, в Акко стоит приехать. За картинками простого быта в стенах старого города. За тем, чтобы увидеть след истории крестоносцев глазами крепости. Чтобы услышать, как громко и задорно орут и хохочут арабки в платках на голове и длинных платьях, когда они во всем этом одеянии катаются на «торнадо» — моторной лодке, которая с огромной скоростью и резкими виражами

носятся по воде, создавая лишние волны рыбакам.

Картинка об Акко, которая осталась в моем сознании: крепость, о нее разбиваются синие волны, припекает солнце, на скалистом побережье Средиземного моря сидит мужчина в капюшоне с удочкой, за ним наблюдает мальчишка. Он пришёл с дедушкой, дедушка читает газету неподалёку на скамейке.

Мальчишка сначала смущается, потом подходит всё ближе, задаёт вопросы, а потом и помогает снимать пойманную рыбу.

Опытный рыбак то и дело вытаскивает рыбёшек одну за одной. На его умиротворённость не влияет ничего — ни шумные крики девушек в хиджабах на той самой «торнадо», ни съёмки тележурналистов за спиной, ни крики мальчишек, идущих из школы, ни слова лодочников, ругающихся из-за клиента-туриста, ни шум рынка — он доносится до самого побережья.

Когда рыбёшка срывается, он спокойно снова закидывает удочку в волны. Он знает, что рыбы в воде достаточно. Он знает, что поймает свою, предназначенную ему рыбу. Он доверяет морю в этом вопросе и просто делает своё дело. Рыбачит.

Этот рыбак как душа города Акко. Стены городской гора невозмутимо наблюдают за всем, что происходит эти четыре тысячи лет. И спокойно делают своё дело — они просто есть.

Рыбак и море

Арабские десерты

Рыбные места

На арабских рядах

Базар в Акко

Вид на город с воды

Вид на городскую крепость с воды

Прогулкі на лодке

Прогулки на лодках

Порт с лодками для туристов

Жилой дом в старом городе

Крепость Акко

Жилые дома

Набережная Акко

Набережная Акко

Глава 8. Чудо №6.

Библейские истории в Назарете

Мы приехали в Назарет рано утром. Раннее утро городу идёт, оно созвучно с его голосом. Назарет, залитый солнцем, звучит колоколами. Это единственный христианский город Израиля. Единственный, где воскресенье — выходной. Город, в котором звон колоколов регулярно разливается в воздухе музыкальной волной.

Назарет оказался очень шумным и многолюдным. Большая часть населения — арабы-христиане, они готовят маленькие котлетки кебабы на огне, и их запахом пропахло все в «новом» городе. Так я назвала ту часть, что за пределами старого города. Мы позавтракали, напились кофе с кардамоном, наелись восточных сладостей на десерт. Здесь их делают маленькими, в этом плюс, можно попробовать как можно больше разных. Основа у всех — тонкое тесто фила, орехи — миндаль, фисташки, арахис, грецкие орехи, специи и мёд. Сколько всего разного можно сделать из этого!

Когда солнце поднялось выше, гулять по новому городу стало некомфортно. Пыльно, шумно, многолюдно. Мы нашли парк, который называется «Деревня Назарет». Идея его создателей — перенести гостей в прошлое, во время Иисуса Христа. Обычно в парке проводят групповые экскурсии. Но так как мы пришли спонтанно и никаких групп запланировано не было, а гид Давид маялся от безделья, он провёл нам индивидуальную экскурсию только для

двоих. Когда услышал, что между собой мы говорим на русском, он обрадовался ещё сильнее: оказалось, его семья приехала из Одессы, когда он был ребёнком. Конечно, он идеально говорит на иврите и английском, но и русский забывать не хочет. Читает классиков в оригинале и никогда не упустит возможности поболтать с русскоязычными туристами. А ещё он христианин до мозга костей! Поэтому он живет именно в Назарете и, по его словам, никогда никуда отсюда не переедет. Давид долго и с упоением рассказывал истории о том, как жили во времена Иисуса, как вёл себя сам Иисус и откуда мы всё это знаем.

В парке я действительно на мгновения забывала, что всё это — игра. Сотрудники так хорошо входили в роль. Пастух пас овец, девушки ухаживали за посевами. Женщины ткала у станка первых ткачей.

А Давид рассказывал о том, как раньше делали оливковое масло. В деревне его делают в таких же маслодавильнях, как делали в старину. О том, как строили дома-пещеры с системой естественного охлаждения, о том, как красили пряжу и почему фиолетовый был цветом богачей. Оказывается, фиолетовую краску добывали из моллюсков, и слишком много нужно было их поймать и убить, чтобы получить клубок ниток фиолетового цвета. Поэтому фиолетовая одежда была очень дорогой. Об одежде заботились, не то что сейчас. У бедных (а тогда почти все были бедными) было всего одно «платье», которое носили чуть ли не всю жизнь.

Я смотрела на тяжёлый быт наших далёких предков и понимала, что сейчас у нас есть масса свободного времени и на что мы его тратим? Сколько часов хороним в социальных сетях, прыгая по сайтам, с иллюзией «полезности», когда без разбора потребляем информацию, как будто

едим все подряд, едим что попало, как будто собираем кучу информационного мусора, как с голодного края, и даже не осознаем, как эти часы складываются в года, которые мы могли бы использовать приятнее.

— О чем задумались? — спросил Давид, протягивая горячий хлеб с оливковым маслом. Хлеб только что выпекла актриса деревни своим трудом, не выходя из роли. Он полностью сделан по «технологиям» древности. Как и оливковое масло.

— О том, куда тратили жизнь раньше и куда тратим мы ее сейчас.

— О том, как мы распоряжаемся освободившимся временем?

— Точно.

— Я тоже думал об этом... до сих пор думаю. Работая в этом парке, сравнений не избежать.

— И что надумал?

— В жизни много крайностей. Было, есть и будет. Ещё две тысячи лет назад всю основную мудрость изложил Иисус. До этого она была в Торе. Все то же самое, только новыми словами. Но трактовать эти слова каждый может по-своему, в меру своего внутреннего фильтра. Об этом Иисус тоже говорил. Фильтр растёт, меняется, меняет цвета и вот уже давние идеи воспринимают по-новому. Не все ведь занимаются ерундой. Это же вопрос самоконтроля.

— А я вот всё путешествие размышляю над контролем, самоконтролем и доверием. Мир постоянно дает понять, что нужно больше доверия.

— Как и говорил Иисус — веры. Да. Но отказываться от контроля вообще — другая крайность. Ведь тебе дали возможность контролировать, дали волю, дали этот навыв. Вопрос не в самом контроле, а в том, как его использовать. Ничто не зло, если в меру и к месту. Нарушение баланса — вот зло. Лучший способ использовать контроль — контролировать себя. Не тратить время впустую, не есть

плохую еду, не есть плохую информацию. Контролировать свой ум, фокус своего внимания. Ведь куда внимание — туда и энергия. Вот, что нужно контролировать на самом деле. Себя, а не других, и уж точно не мир!

Я медленно жевала хлеб и смотрела на деревню «из прошлого». Пришёл Андрей, который с интересом изучал производство оливкового масла, нам было пора выходить в «реальный» мир.

— У меня для вас подарок! — сказал Давид. — Вот вам две свечи. Такие свечи раньше жгли, они из глины. Вот сюда заливаете масло, вот здесь зажигаете. Зажжёте, когда захотите попросить о чём-то действительно очень важном.

После путешествия «в прошлое» мы перекусили и пошли в старый город Назарет. Место, в котором соткана история христианства.

Подумать только, какое влияние оказала эта религия за две тысячи лет на мир! Ею пользовались и свет, и тьма. Она вдохновляла, давала надежду и отбирала жизни.

В стенах старого города много церквей, мне до сих пор Назарет видится как кресты на фоне неба и светло-песочных зданий. И, конечно, снова голос колоколов. Он снова разливается в воздухе, он призывает к молитве.

После храма, построенного архангелу Гавриилу, мы идём в Базилику Благовещения. Она построена на месте старого дома Девы Марии, куда спустился Гавриил, чтобы обрадовать её благой вестью — у неё родится сын Бога.

За воротами Базилики целая экспозиция икон с изображением Богородицы, собранных христианской церквю-

вью со всего света.

Мне было интересно рассматривать, какой мать Иисуса видят в Китае, какой — в Таиланде, а вот так представляют греки, так — итальянцы. Десятки икон.

Самой милостивой для меня был образ Марии индонезийской и самой Назаретской. Они молодые, привлекательные, с приятными чертами и спокойной радостью на лице.

Когда зашла в Базилику, меня встретила ещё одна Мария, с Иисусом на руках, и на удивление больше никого. Только я и Богородица.

Не знаю, редкий ли это случай, когда в такой известной церкви и ни души. Я решила, что особенная ситуация, в которую я попала, не случайна. Села на узкую скамейку из тёмного дерева, поближе к «главной» Марии.

Вновь просила её научить меня любить, любить условно, любить божественно, показать мне частичку мудрости, которой обладала она, если я к ней готова.

Я чувствовала, как всё услышанное, продуманное, осознанное и открытое во мне за эти 20 дней путешествия, сплетается в чудесной красоты узор, где каждая деталь дополняет друг друга, оттеняет неземными, волшебными цветами.

В тот момент я осознала, что путь внутри себя, который я так хотела начать, путь на новый уровень сознания, начинается с доверия.

Все кусочки моих осознаний, мыслей, случаев и случайных фраз во время путешествия вдруг сложились в це-

лостную картинку. Я подумала, сколько доверия миру должно было быть у Марии, родившей Иисуса, доверия и любви. Сколько доверия и любви к людям должно было быть у самого Иешуа. Доверие и контроль — две противоположности, очень нужные нам, которые должны быть в балансе.

Доверие к миру и контроль своих мыслей. Доверие жизни и контроль того, что зависит от тебя.

Контроль не из страха, что все будет не по-твоему, а из любви к себе, от понимания, какой вклад именно ты вносишь в мир. Контроль того, что ты думаешь, говоришь и делаешь, ведь подобное порождает подобное. И доверие от любви, доверие от понимания, что всё в мире гармонично, что мы не знаем, какую картину рисует Бог, но частичка Бога внутри нас — наша душа знает, а если не вносить колебания своим чрезмерным контролем, всё будет так, как должно быть. Самым наилучшим образом.

Таким образом, оптимальный баланс доверия и контроля даёт свободу. Я почувствовала, что именно это сейчас мне хотела сказать та энергия, которая жила в доме Богородицы.

Я не знаю, сколько так просидела. Время остановилось. Когда я поняла, что разговор окончен, в зал вошли туристы-китайцы. Они со свойственной им громкостью и скоростью заполнили пространство, я поняла, что это знак — мне пора. Я поблагодарила от всего сердца собеседницу и вышла из церкви. Вышла новая. Вышла с осознанием того, что мне подарили нечто очень ценное, что изменит меня и мою жизнь.

Старый город Назарет

Изображения Матери Бога у Базилики Благовещения

Жительница деревни Назарет

Пастух в деревне Назарет

Кусочек городского пейзажа в Назарете

Мария в представлении назаретян

Мария в представлении индонезийцев

Глава 9. Чудо №7. Тель-Авив: мегаполис в пустыне у моря

Поезд из Назарета повёз нас в самый яркий и громкий, современный и модный город Израиля — Тель-Авив. После расслабленного жаркого Эйлата, загадочного магического Иерусалима, трудолюбивой Хайфы, звонкого Назарета Тель-Авив — громкий зелёный «мегаполис» посреди глухой пустыни. Хотя его население едва ли дотягивает до 500 тысяч человек, благодаря небольшой территории и большому количеству туристов, кажется, что людей много.

Тель-Авив пахнет горячими слоёными бурекасами с сырной начинкой и крепким кофе с кардамоном, бурлящими базарами и громкими разноцветными специями. Он пахнет настроением людей, которые берут от жизни всё, наслаждаясь каждой прожитой минутой. Средиземным морем и чувствами, которые израильяне не боятся выражать и называть прямо, своими именами. И свободой. Тель-Авив пахнет свободой, Тель-Авив свободный, как художник.

Тель-Авив я увидела как центр новых технологий и современной гастрономии.

Меня восхитило, насколько здесь всё для людей, для полной жизни: стремительно развивающийся деловой центр, пляжи с продуманными бесплатными раздевалками и душевыми с пресной водой, краны с питьевой водой.

На береговой линии нам встретились пляжи для людей с разными взглядами на жизнь. Общественные, семейные,

для ортодоксов, для женщин, нудистские, для ЛГБТ, для владельцев самых счастливых в мире собак, которые с восторгом играют с волнами Средиземного моря. Пляжная линия Тель-Авива как будто говорит: расслабься, кем бы ты ни был, тебе есть место под солнцем, будь собой и наслаждайся жизнью, и другим не мешай делать то же самое!

Рестораны с кухней со всего мира, и дешёвые закусовые, которые не уступают в качестве, и дорогие рестораны с высокой авторской кухней и высоким счётом.

В моей памяти Тель-Авив — это и шумные пёстрые базары, и уютные старые кварталы, солёное море и красивые бегуны вдоль береговой линии, музеи, ярмарки.

Чистый воздух, море под боком и умение горожан жить в удовольствии, которым они заражают всё вокруг.

В Тель-Авиве я больше всего почувствовала умение израильтян Жить. Именно жить, а не проживать. Жить с удовольствием, умея извлекать удовольствие из каждого мгновения. Это чувствуется в том, как по вечерам собираются компаниями на пикники у моря, как занимаются йогой на пляже, бегают по утрам и вечерам, в том, как громко разговаривают и смеются, наслаждаясь едой.

Наверное, только в Тель-Авиве, пойдя в пятницу утром на рынок Кармель, мы могли увидеть заполненные бары прямо на базаре, в которых люди разных возрастов не спеша потягивают приличное вино, гитаристов, играющих и поющих на английском, торговцев, громко перекрикивающихся между собой и успевающих продавать вкусоности прохожим, женщину с длинными седыми волосами, в малиновом топике, громко поющую что-то на иврите, а вокруг неё — толпу слушателей, подпевающих ей.

Через пару метров — двух молодых людей в ортодоксальных одеждах, предлагающих верующим евреям надеть специальные атрибуты на голову и руки и помолиться.

Пожилых людей, играющих в шахматы. Ярмарку ремесленников, с любовью выставляющих свой разнокалиберный хендмейд на прилавки. Мужчину на этой ярмарке, который делает чудесные яркие очаровательные фигурки и бижутерию из стекла, там же за столиком переплавляя пустые разбитые пивные бутылки. Вот она — экология потребления. Я купила у него серёжки цвета морской волны.

Это — картинки одного утра пятницы в Тель-Авиве, утра перед Шабатом.

В Тель-Авиве мы поселились в небольшом отеле с видом на море. Каждое утро я вставала с рассветом, что намного раньше пробуждения мужа, шла в кофейню «Арома» — она была прямо под нашими окнами, брала кофе с собой, переходила дорогу и вот я уже наедине с морем на пару-тройку часов.

Утром лучше слышен шум волн, первые солнечные лучи играют на воде, людей мало. Встречаются бегуны, художники, романтические читатели книг и любители йоги. Я тренировалась в умении проживать каждый момент с удовольствием, наслаждаться каждым вдохом солёного морского воздуха.

В конце концов, увидев, что даже пожилой мужчина в плавках на еще прохладном и мокром песке выполняет такие асаны, которые мне и не снились, я сдалась и снова стала хоть немного, но практиковаться в йоге. А после — в воду.

Плавать на полупустом пляже мне тоже нравилось больше всего. Мокрая и счастливая я возвращалась в отель, по пути взяв кофе для Андрея, будила его и мы шли завтракать в какое-нибудь кафе с видом на море.

За недели нашего путешествия по Израилю мы уже наелись традиционных шакшук, хумуса и фалафеля на завтрак. И Тель-Авив с любовью предложил другие варианты начать день — фруктовые и овощные смузи, пиццеты, питы, до краев забитые свежими овощами, цельнозерновой хлеб. В Тель-Авиве больше, чем в любом другом городе Израиля, задумываются о здоровой еде, правильном питании и спорте. Разнообразие овощей и фруктов собственного производства в стране позволяет готовить вкусные и интересные блюда.

После завтрака — пляж, пляжные игры — теннис, фрисби и волейбол, здесь они популярны, и Андрей легко находил себе партнёра для пляжного тенниса, пока я читала книги на нагревающемся песке.

Днём, когда солнце перегибает с обогревом и песок на пляже раскаляется до такой степени, что по нему невозможно ходить босиком, мы прикрывали плечи белыми рубашками, мазали лица солнцезащитным кремом и шли гулять в город.

Мы в состоянии полной эйфории и расслабленности наблюдали за тельавивцами, за тем, как они все делают громко — громко разговаривают, громко выражают чувства, громко смеются. Я не встречала более открытых и прямолинейных людей. Как будто их с детства учат знать, чего они хотят и уверенно к этому идти.

Мы снова и снова выходим на прогулку по Тель-Авиву без чётких планов, просто идём по улицам, куда ноги

несут. Они несут мимо музыкантов, которые играют на улице, а рядом танцуют горожане и туристы. Мимо прохожих с красивыми собаками. Мимо влюблённых пар, которые делают наушники на двоих и пьют смузи из одного стакана, в обнимку. Мимо большой компании людей разного возраста, которые устроили пикник с барбекю прямо в сквере. Принесли гриль, пледы, еду и ящик вина. Мимо мужчины на пляже, который с особым наслаждением играет со своей собакой — большим красивым догом, кидая ей фрисби в море, а собака с восторгом несётся в волны и приносит фрисби назад хозяину. Иногда он обнимает ее, целует в макушку и снова кидает фрисби.

С особым удовольствием мы ходили по базарам. Атикава, старый пестрый Кармель и современный Сарона Маркет. Ведь для Андрея рынок — круче любого музея, это место, где продают продукты — все равно что магазин красок и инструментов для художника. Выбор специй, сортов чая, сладостей, фруктов, овощей, рыбы, сыра, фаршированных оливок и кулинарного сюрреализма типа тхины с разными вкусами или ликера из алоэ огромный. А я замечая, что местные приходят на базар не только за продуктами. Они приходят провести время, перекусить, развлечься и узнать последние новости.

А еще на базары ходят за ресторанами. В Израиле мы часто встречали концептуальные места с высокой кухней и приличным чеком на рынке.

День за днём спонтанных прогулок я с особым удовольствием отмечала, что израильтяне выбирают лёгкий способ решения своего вопроса. Мужчины легко подходят познакомиться с прямым вопросом и так же легко реагируют на отказ. Продавцы прямо говорят «это дорого, посмотрите лучше вот это».

Сотрудники ресторанов — повара, официанты, уборщики — во время своего перерыва спокойно садятся за столик в зале, прямо в форме, и едят. Это, казалось бы, совершенно нормально, я не вижу в этом никакой проблемы, но вспоминаю, что и в моем родном Казахстане, и в России в приличных ресторанах так не делают. А почему?

В Тель-Авиве плюют на условности и спокойно отказываются от неработающих схем и традиций. Здесь не будут делать что-то только потому, что «так принято», и это ну совсем мне по душе!

Я, может быть, слишком свожу все к абсолюту, но в целом у меня сложилось впечатление, что если жителям что-то нужно, они не рассказывают долго друг другу, как они этого хотят и почему не могут получить, не ноют, не жалуются, а просто идут и берут. Находят приемлемый способ получить желаемое, никому не навредив.

Как-то моё внимание привлекла книга на английском языке с колоритной африканкой на обложке. В ней автор рассказывал о жутких шаманских обрядах африканских племён. За витриной оказалась целая библиотека с книгами разных возрастов и цен. Их можно было не покупать, а читать прямо за столиками. Вглубь библиотеки — барная стойка, там кофе, вино и пиво, а за маленькой аркой — дворик под навесом, там ещё книги, столики и молодёжные компании, что-то читающие, что-то громко обсуждающие. Я присмотрела несколько книг и задержалась в том литературном кафе. Когда пошла за очередной чашкой кофе, встретила за баром очень пожилого араба. Ему 86, как он сам сказал. При этом чистый английский и много историй, которые он рассказывает молодёжи, готовой его слушать за барной стойкой в библиотеке. Я задержалась и послушала. Он говорил весело о грустных вещах. О еврейско-

арабском конфликте, о войне, о детстве, о настоящем. Он хорошо знал историю Советского Союза, несмотря на то, что не имел к ней никогда отношения. Его слушатели периодически сменяли друг друга, а он все говорил и говорил. Думаю, ему просто хотелось говорить. И он нашёл самый лёгкий способ.

«Твоя жизнь в твоих руках — иди и делай» — говорят израильтяне, и они же правы. Так говорят все и везде, но не все и не везде доходят до дела.

В Тель-Авиве мы договорились о встрече с другом Марком, шеф-поваром, который должен был провести нас по его любимым ресторанам. Ещё неделю назад я бы отправила встречный список с пожеланиями о том, какие они должны быть, что я хочу увидеть и попробовать, но в этот раз мне уже не хотелось ничего решать. Я расслабилась и получала удовольствие просто от того, что даёт жизнь.

— Относись к этому легче, не заморачивайся, — сказал Марк, заметив, что я с печалью смотрю на бездомного мужчину, лежащего на обочине на матрасе. Матрас был высокий, несколько пледов, несмотря на жару, видимо, для атмосферы, газеты, журналы, книги. — Бездомные в Тель-Авиве — выбор, философия. Он мог бы жить на пособие, мог бы жить в специальном месте, в конце концов, но не хочет. Такой формат свободы, это его выбор.

Кто-то подошёл к бездомному и принёс целую пиццу. Он привстал, кивнул в знак благодарности, но с чувством такого собственного достоинства, что я невольно вскинула брови вверх.

Израильтяне часто удивляли меня. Умением радоваться жизни, умением наслаждаться собой, прямолинейно-

стью и откровенностью, свободным и широким взглядом на мир. Трудолюбием и умением достигать целей во что бы то ни стало. Пустыни превращены в поля, на полях растут фрукты и овощи, улицы городов наполнены запахом пряностей и специй, блюд с разных концов света, залиты смехом и страстными спорами, громкими голосами.

Свобода и страсть разлиты в воздухе, ими пропитана атмосфера.

— Конечно, у меня есть страсть к еде, а как без неё? У большинства, кто работает на кухне, есть страсть к еде. Как у тех, кто работает в IT, есть страсть к технологиям. А у тех, кто на берегу — к морю. Это же верх отсутствия уважения к самому себе — делать что-то, что ты не любишь. Конечно, я и любой другой адекватный человек будем заниматься тем, что нас зажигает.

Может показаться, что здесь это легко, мол, для занятий любимым делом созданы все условия, а наша жизнь тяжела и неказиста. Но нет. В чём-то здесь условий больше, в чём-то — меньше. К примеру, израильтяне однозначно намного больше работают. В ресторане один израильский повар делает работу как минимум троих казахстанских. Я специально считала персонал на кухнях. И держится с достоинством, на его лице не будет и тени несчастного выражения.

Когда я встаю в 6 в Алматы, улицы пустые и их метут одинокие дворники, когда я встала в 6 в Тель-Авиве и вышла за кофе, чтобы прогуляться потом по береговой, увидела самую настоящую пробку. Вереница машин медленно, но уверенно куда-то двигалась. И так каждое утро. Израильтяне не работают пять дней в неделю с 9 до 6. Они работают с 8 до позднего вечера шесть дней в неде-

лю и находят время на заботу о себе и радости жизни.

— Уважение к себе и в том, что я ем, — говорит Марк, и я невольно бросаю косой взгляд на его упитанную фигуру. — Я не про диеты. Я про наслаждение жизнью. Есть надо очень вкусно, я кайфом. Зачем есть что попало, когда можно сделать это актом удовольствия? Плюс региона в том, что много фруктов и овощей, еда сама по себе получается легче, чем когда много теста и мяса. Поэтому ты ешь, ешь, не надо переживать о фигуре, в килограммы это все не уйдет, вот увидишь. — И я снова бросаю косой взгляд на фигуру, но почему-то доверяю другу и продолжаю наслаждаться едой.

Я увидела Тель-Авив гастрономической Меккой Ближнего Востока. Марк говорит, что это оттого, что сюда стали приезжать самые продвинутые репатрианты, которые привыкли к самому лучшему и хотят, чтобы в молодом мегаполисе было всё и всё самое лучшее. Особенно — кухня, ведь культ еды, видимо, в крови.

В Тель-Авиве плотность кафе и ресторанов на душу населения одна из самых высоких по миру, а места все равно всегда забиты. Возможно, понимая быстротечность жизни, видя из собственных окон ее непредсказуемость, израильтяне наслаждаются всем земным на полную катушку. Они живут страстно, едят страстно.

Тель-Авив — одна из любимых точек на карте мира для фудис. Здесь хорошо развита и уличная еда. Одно из популярных мест с уличной едой — Meznon. Там просто кладут в питу любую начинку: мясо, фалафель, свежие овощи, запеченную цветную капусту, яйца, картофель. И всегда получается вкусно. На мой взгляд, секрет — в хумусе, которым питу смазывают, и в соусах, которые добавляют в конце. Тхина, свежие авторские соусы. Никаких горчиц,

кетчупов и тем более майонеза из банок.

Когда мы пришли в Mezon, я думала, у меня лопнут уши — очень шумно, играет громкая динамичная музыка, которую перекрикивают повара — заказ готов! И гости говорят очень громко. И гостей много, ни одного свободного места. Мы протискиваемся через толпу к кассе и кто-то освобождает место за барным стулом. Потом к шуму привикаешь. Главное, не концентрироваться на том, что тебе мешает, а получать удовольствие. Пока мы ждем заказ, предлагают перекусить обрезками пит или цветной капустой, если уж очень голодные. Они здесь стоят прямо у входа, их может взять любой желающий и не обязательно ничего заказывать. Но никто не берет. Зачем забивать желудок, когда можно немного подождать и насладиться едой.

Для тех, кто не ест мясо или вообще отказывается от всех продуктов животного происхождения, Тель-Авив — один из самых вкусных городов, рай для вегетарианцев. В самом городе много вегетарианских и веганских кафе. Однажды я зашла в одно из них специально. Мне подали бургер с котлетой из шпината и баклажан с овощами и специями. Еда была такой вкусной, что если бы блюда из овощей готовили так вкусно в родном городе, я бы отказалась от мяса. Да что там говорить, один хумус с фалафелем чего стоит! Сытные вкусные блюда из нута, в котором велика доля растительного белка. А сабих! Это тоже простая уличная еда в пите, смазанной хумусом, с овощной начинкой, политой тхиной. Только в сабих ни мясо, ни птицу не кладут. Сытости добиваются с помощью картофеля и баклажана, традиционно кладут яйцо. Но всегда есть возможность самому выбрать ингредиенты.

Дружелюбным для вегетарианцев Тель-Авив делают не только обилие овощей и фруктов, а также разных зер-

новых (вроде булгура и кус-куса) и умение их готовить, от-тняя специями и соусами, но и набирающий обороты культ здорового образа жизни. Честно говоря, я не знаю, как он уживется с культом еды и культом наслаждения жизнью.

Но для нас, путешественников, эти два культа значат, что в городе можно есть с невероятным наслаждением, и есть не только сладости и выпечку, но и много овощных блюд.

Впрочем, овощи и мода на веганство, близость моря и врожденное умение работать с морепродуктами насколько не уменьшают роль мяса в ближневосточной кухне.

В Тель-Авиве можно легко найти хороший стейк, каре или кебабы — ближневосточные котлетки, которые часто делают прямо на улице и все на тех же базарах.

Я узнаю их по запаху, они пахнут сочным плотным перекусом. Иду между рядов рынка Кармель и нахожу источник. Дым, треск огня и довольные улыбки тех, кто уже получил свою порцию.

Стоит еда на улицах относительно недорого, так, чтобы любой тельавивец мог спокойно перекусить и не раз на ходу вкусной, свежей и натуральной едой.

В полноценных же ресторанах у нас счет выходил не меньше 200 долларов, но оно того стоит. Морепродукты, обжаренные на гриле со сливочно-чесночным соусом, от шеф-повара ресторана Claro тают во рту, как будто это не морепродукты, а мягкий шоколад, который почему-то имеет вкус сливок, чеснока, мидий, крабов, кальмаров. Вино из собственных погребов ресторана удивляет буке-

том, нотками, которые мне сложно определить. Говорят, что эту коллекцию вина сделал какой-то известный израильский сомелье специально для ресторана Слаго.

Мои рецепторы захвачены творческими сочетаниями разных вкусов, мозг отключился в гастрономическом экстазе. Каждая клеточка тела плавится от наслаждения тем, что происходит здесь и сейчас. И я снова вдруг понимаю, что ни о чем не думаю, я просто есть.

В насыщенных цветах Жизни еще сильнее в глаза бросается контраст ожидания войны. Много солдат, люди в штатском с автоматами на плечах. Круглосуточная готовность услышать сирены, предупреждающие о ракетном обстреле, и сделать все, что положено по инструкции. Я иду вдоль пляжа и вижу ленты полицейских, прохожих просят не подходить близко, они проходят мимо спокойно, как будто так и должно быть. Нет толпы зевак, желающих зрелищ. Я останавливаюсь посмотреть, что случилось. Зачем столько машин полицейских и людей в форме, в экипировке? Оказалось, кто-то оставил на скамейке пляжную сумку. Здесь бояться сумок, ведь может быть бомба. После того как ее проверили необходимым способом, сумку открыли. В ней оказались полотенце и бутылка воды. Полицейские разъехались.

— Как вы живете в постоянном напряжении? — спрашиваю я Марка.

— Расслабленно живем. Мы все здесь немного фаталисты.

— Вы все здесь умеете доверять Жизни?

— Нет смысла думать о том, на что ты не можешь повлиять.

Вечером и ночью мы любили снова возвращаться на пляж. Гулять, смотреть на людей, вдыхать море, смот-

реть на ванильно-бордовый закат.

Я все путешествие хотела какой-то особенной романтики, чтобы поставить галочку: романтика — «есть». И все никак не получалось придумать что-то особенное.

Когда уже будучи в Тель-Авиве я полностью расслабилась, доверилась жизни и заразилась от израильтян жадной «просто жить и получать удовольствие», моя особенная романтика пришла сама собой. Тихо, незаметно, спонтанно, не привлекая особого внимания, подкралась и села на плечо, нашептывая на ухо свои идеи.

- Давай поужинаем прямо на берегу? — предложила я.
- Чем именно? — уточнил Андрей.
- Возьмем фрукты, клубнику, вина...
- Давай.

Мы сели на холодный песок. На мне были джинсовые шорты и белая футболка, которая уже никогда не была белой. Разлили вино по бокалам, купленным в Эйлате, которые я все это время возила с собой. Я даже взяла две белые толстые свечи и все зажигала их, а они все тухли. Когда парафин в серединке растопился и я додумалась его вылить, фитиль оказался немного в «домике» и стал тухнуть реже. Мы пили вино, ели клубнику, инжир и козий сыр, откусывая от большого куска, купленного в магазине.

И я поймала себя на мысли, что это один из лучших и самых романтических моментов в жизни, которые я сложила в свою коллекцию впечатлений.

Я буду доставать его иногда, заворачиваться в него, как в мягкий теплый кашемировый шарф, и нежится в нем.

Волны подбирались все ближе и вот уже добрались

до нашего ужина. Вода теплая, волны спокойные, впереди — темнота.

Вдруг мне очень захотелось в эту темноту. Плавать ночью — одно из давних желаний, которое все не удавалось исполнить: то сильные волны на океане, то охранники на пляжах, то внутренний страх идти в темноту... Море ночью не кажется таким уж приветливым. Волны становятся стальными, почти черными, холодные течения встречаются чаще, неожиданно хватая тебя за ноги и нагло облизывая колени.

Но мне больше не было страшно. Я стала больше доверять жизни, стала чувствовать себя свободнее. Как будто у меня забрали тяжелый рюкзак и идти сразу стало легче. Как будто мне приходилось вести машину и тщательно следить за дорогой, а потом появилась возможность пересесть в пассажирское кресло и наслаждаться пейзажем.

Я пошла в воду. Купальника не было, пришлось идти в чем была. Андрею повезло больше, он хотя бы мог снять футболку и остаться в шортах.

В ночных плаваниях есть особый шарм. Особенно когда оборачиваешься на сверкающий разноцветными огнями Тель-Авив.

Шорты и футболка промокли, прилипли. Ветер смахивал с меня морскую воду, от его прикосновений стало прохладнее. К ногам прилип уже холодный песок.

Так мы и шли по городу до отеля. А город изменился. Пятница, Шабат. Улицы полны шумной молодежи, они собираются в стайки и ходят по барам-клубам. И вот я уже замечаю стайки разного размера возле дверей, которые днем не привлекали особого внимания. А ночью они от-

Музыканты на рынке Тель-Авива

крываются и зовут на свой Шабат. В мир музыки, алкоголя, новых знакомств. Это ночные клубы и бары на людей разных мастей. Любая ориентация, приверженность любому стилю, настроению, субкультуре и типу музыки — все найдут себе место по душе. У нас тоже есть особое настроение. Мы останавливаемся слушать игру на барабанах уличных музыкантов и танцевать в такт африканских мотивов.

Улицы Тель-Авива в пятницу днем

Йога популярна на пляжах Тель-Авива

Улицы Тель-Авива

Стеклянные сувениры из старых бутылок

Лафы на улицах Тель-Авива

Улицы Тель-Авива

Улицы Тель-Авива

Кафе на рынке Тель-Авива

Улицы Тель-Авива

Певица на улице Тель-Авива

Финики на рынке

Сладости на рынке

Уличная еда — кебабы на рынке

Кафе на базаре

Сладости на рынке

Кнафе в Тель-Авиве

Одно из вегетарианских кафе Тель-Авива

Глава 10. Чудо №9. Красивое как Яффо

Через дорогу от Тель-Авива находится еще один древний город — Яффо.

В маленьком Израиле это вообще привычное дело, когда города разделяет всего лишь улица или дом. Так, если задаться целью, за день можно пройти несколько городов.

«Яффо» с иврита переводится «красивый, красивая». Название, на мой взгляд, идеально подходит городу художников.

Яффо был крупным портом пять тысяч лет назад. По библейским легендам, здесь Ной построил Ковчег, а по греческим — Персей освободил Андромеду.

Через Яффо проходил и древний торговый приморский путь Виа Марис. На протяжении пяти тысяч лет, со времен фараонов и ранних цивилизаций до средних веков, он связывал основные средиземноморские портовые города и имел значение для их развития.

Гуляя по узким ступенчатым улицам старого города, трогая стены из крупного кирпича песочного цвета, облизанные морским ветром, я представляю, как когда-то, тысячи лет назад, здесь падали пьяные моряки, пахло рыбой и потом, звучал громкий смех и пели песни...

Сегодня Яффо совсем другой. Я вижу центр творческой элиты Израиля. Здесь собираются музыканты, поэты, ху-

дожники, ювелиры, режиссеры. Днем проходят выставки и перфомансы, а вечерами — концерты в барах и чтение поэзии (не только на иврите, но и на английском и русском).

В истории города-порта был период, когда он стал настоящей свалкой, где жили неблагополучные криминальные «элементы общества». В какой-то момент правительству это надоело, город очистили, а чтобы сделать его по-настоящему красивым быстро и эффективно, заселили художников и скульпторов, которые должны были сами создать себе прекрасное. У них получилось!

Истинно израильское решение — просто и эффективно.

Яффо вдохновляет с первого свидания. Узкие улицы песочного цвета — холст, яркие пятна: синее море, белые паруса в порту, бирюзовые окна и двери, таблички на дверях цвета морской волны, цветы в разноцветных горшках — мазки. А главные краски города — люди. Люди-художники.

Мы пошли гулять по Яффо без малейших планов на день. Я не изучала карты и не составляла списки достопримечательностей. Не спрашивала мужа, где мы будем есть и что мы будем есть. Не рассказывала ему о том, сколько всего нам нужно успеть.

На меня это не похоже, но ведь это необычное путешествие. Последние дни в Израиле. Пусть они будут пропитаны спонтанностью, как хороший кнафе мёдом.

Гуляли в паутине загадочных переулков старого города, ласкали глаза живописью и лавками ювелиров, среди которых я случайно встретила лавку самого Бен Циона — потомственного ювелира, известного во всем мире, рабо-

ты руки которого есть и у английской королевы. Мы зашли к мастеру, а нас накормили огромными финиками и напоили йеменским чаем, рассказав всю историю рода ювелира. Показали, как делали украшения раньше и как сейчас, имея новые технологии.

Такая встреча никак не могла случиться по плану, такие встречи планирует сама Жизнь, которая любит спонтанность.

Мы зашли на блошинный рынок и долго торговались за серебряную минуру в антикварной лавке.

Любовались работами современных художников, купили мне десятки пар сережек ручной работы разных мастеров.

Мы слушали голос моря, разбивающего белую пену волн о стены крепости старого города-порта, ели burekas из старой пекарни Яффо Lion VBnav, которой уже больше шестидесяти лет.

Обедали рыбой в ресторане «Старик и море». Здесь это вкуснее всего. Как и в том рыбном ресторанчике в Акко, вы заказываете одно горячее (пусть это будет рыба!), а к нему приносят калейдоскоп маленьких тарелок с яркими салатами и соусами. Среди них обязательно будут тхина, хумус, бабагануш, фалафель, йогуртовый соус. А также — соленья, острые соусы, салат из свежих овощей, из бобовых и, возможно, остро маринованные салаты. Гость платит немало, но только за рыбу, остальное — в подарок, и всё постоянно обновляется, стоит опустошить одну из тарелочек.

Ужинали авторскими блюдами, кочуя из ресторана в ресторан, из бара в бар. Ведь в городе художников пова-

ра — главные маэстро. Серьезно, это практически рок-звезды, гости приходят не на интерьер, не на локацию, не на название и даже не на кухню, приходят на поваров!

Найти гастрономические прелести можно в самых неожиданных местах. И, конечно, по нашей израильской традиции — на базаре.

Вечером торговые прилавки закрываются, обнажая всю прелесть базарных ресторанчиков и баров. И пусть вас не смущает расположение. Кухня у них очень высокого качества. И чек может быть тоже высоким, это уже зависит от заведения и атмосферы, выбирайте себе по душе и по карману.

На набережной с заходом солнца начинается тусовка. Лучшее, что, на мой взгляд, можно сделать вечером в Яффо — проводить солнце в море на закате, а потом сесть за высокую деревянную барную стойку с видом на волны и слушать музыку от живых выступлений современных рок-групп в баре.

После полуночи мы идем пешком из Яффо в отель в Тель-Авиве. Да, это возможно, всего минут 30—40 по набережной. Останавливаемся подышать морем, дать ногам отдохнуть и поболтать ни о чем.

Во время одной из таких остановок я размышляю о самом богемном городе, о целых семьях творческих людей, которые десятилетиями создают что-то — от выпечки до ювелирных украшений, передавая знания из поколения в поколение. Которые живут здесь, в узких переулках города с гладкими от времени стенами песочного цвета, с бирюзовыми окнами и разноцветными цветочными горшками, важными кошками и запахом рыбы и моря.

Старый город Яффо

Что такое «творческий ген»? А что, если он есть в каждом из нас, ведь мы созданы главным Творцом по «образу и подобию». А что, если подобие не в устройстве тела, а в необходимости духа создавать? Еду, картины, музыку, одежду, открытия, города, миры? Что, если энергия Творца в каждом из нас ждет, когда мы обратим на нее внимание, когда доверимся ей, когда перестанем бояться самих себя? И начнем добавлять её, сначала по каплям, а потом рекой в наш быт, в рутину, в то, что мы считаем рутинной. Как изменится мир, если в нём станет больше доверия,

В городе много кошек

больше доверяя самим себе и создателю внутри нас?

Переулок в старом городе

Цветы на улицах в старом городе

Глава 11. Новый дом

— Ребята, вам в аэропорт?

— Да!

— Так вам на другой поезд! Скорее, скорее, вон туда!

Мы быстро хватаем два рюкзака и бежим, чтобы успеть на самолёт.

Уже в нужном поезде, уже в движении я вижу открытый карман рюкзака и не могу найти бумажник.

— Там были деньги? — спрашивает Андрей.

— Немного, тысяч пять тенге... Но там все мои банковские карты, моё удостоверение!

— Какая разница, тебе это всё всё равно менять вместе с фамилией! Главное, паспорт у меня, а карты и удостоверение уже не имеют значения.

Ну да, вот так просто решились мои думы насчет смены фамилии. Теперь уже нет смысла думать, успею я или нет за месяц, беспокоиться о том, сколько документов и карт придется поменять. Что ж, значит Вселенная хочет видеть меня с новым именем.

Я зашла в интернет-банкинг и перекинула деньги со своих карт на карту мужа, а потом заблокировала свои.

На следующий день после прилета пошла в ЦОН, процедура замены документов оказалась проще, чем я думала, понадобились лишь загранпаспорт и свидетельство о браке, новое удостоверение и новый паспорт забрала через три дня. Потом — банк, где написала заявление о смене фамилии, которая автоматически поменялась во всех счетах и интернет-банкинге, и заказ новых карт. Почему я думала, что это долго и муторно?

Как только забрала новые документы, мне позвонила подруга.

— Слушай, мне звонит неказахстанский номер и говорит по-английски, что у него твой бумажник. Я дала ему твой номер и адрес, он сказал, что отправит по почте.

Конечно, это было уже совсем неважно, но стало финальным аккордом в моей вере в Доверие.

Я купила себе новый блокнот. Новый красный молескин. Налила кофе в большую керамическую кружку, купленную в армянском квартале Иерусалима.

В кофе, сваренный, как обычно, дома в кофеварке, я добавила кардамон. Нотки воспоминаний о моем чудесном путешествии.

Вдохнула свежий аромат Иерусалима. Я люблю привозить из путешествий немного новых привычек. Вот так мы вроде остаемся собой, но уже шире, как разливается река по равнине, набирая мощь. Поправила керамические магниты на холодильнике со всего Израиля.

Открыла блокнот и записала мысли, летающие в голове, они еще пригодятся для журнальных статей:

«Еврейское счастье — в простых вещах, доступных каждому — во вкусной еде, сладких поцелуях, семьях, полных детей, где все друг друга поддерживают, и полном позволении себе быть самим собой.

В громком откровении с миром и полным доверии Жизни, доверии с пониманием, что в следующую секунду может все закончиться.

Израиль — страна чудес, где каждая точка на карте —

чудо отдельное. Израиль полон энергии, энергии, которая вдохновляет, вдохновляет меняться, вдохновляет творить, быть шире, осознаннее.

Не зря именно здесь родина нескольких мировых религий, и именно за эту Землю идут постоянные конфликты, именно эту Землю называют Святой».

Я поставила на полку две свечи — подарок Давида из Назарета. Они еще ждут своего часа, не зажженные.

Через пару недель мне позвонили и попросили забрать посылку. В ней — мой старый бумажник с элементами старой жизни.

Спираль закрутилась, точка поставлена.

Значит, начинается новый этап. С новых впечатлений от новой страны, с новых историй для правнуков, с нового статуса в обществе, нового кольца на пальце, новой фамилии, а главное, нового взгляда на мир. Взгляда, который сулит большие приключения.

В которых я теперь могу немного расслабиться, завернувшись в Доверие, в пассажирском кресле и насладиться пейзажем за окном.

Я в предвкушении.

Настасья Мокич

Шалом, страна чудес!
Как самостоятельно проехать Израиль и научиться
доверять миру

Корректор Елена Шубина

Настасья Veter Мокич – писательница, путешественница. Тяга к странствиям – это не только жажда приключений и впечатлений, но и способ говорить с миром, получать от него ответы на главные вопросы в жизни каждого человека и ключи к духовному и личному развитию.

История о путешествии автора по семи городам Израиля, которое помогло найти в себе баланс между контролем и доверием к миру. Книга расскажет об Израиле, как о светской стране, в которой много удивительного. Экстремальные приключения, люди с яркими судьбами, еда с яркими вкусами и секрет умения израильтян получать удовольствие от жизни. Каждый город – как отдельная планета, на которой ждут чудеса, с которыми читатели встретятся, открыв книгу.

ISBN 978-5-4496-1104-8

9 785449 611048 >